А. Д. Исиев

Уйгурское государство Йэттишар

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д. А. ИСИЕВ

УЙГУРСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЙЭТТИШАР (1864—1877)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

9(М)3
И85

Ответственный редактор
Б. П. ГУРЕВИЧ

Работа посвящена исследованию освободительной борьбы уйгурского народа за национальную независимость в 1864–1878 гг. На основе первоисточников рассматривается социально-экономическое и политическое положение Восточного Туркестана накануне восстаний 1864 г., причины их возникновения, ход вооруженных выступлений, создание независимых ханств (Кучинского, Хотанского, Урумчинского и др.) и на их базе государства Йеттишар. Анализируются его внутренняя и внешняя политика и причины гибели.

И–10605–035 Б3–103–32–79. 0506000000
013(02)–81

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1981

ВВЕДЕНИЕ

История уйгурских государств берет начало с древних времен. Первое уйгурское царство возникло в 126 г. до н. э. в районе Турфанской впадины /274, с. 117/. В середине УШ в. н. э. на территории Центральной Азии сложился могущественный уйгурский каганат (745-840). Вторая половина 1Х в. ознаменовалась появлением в Турфанском оазисе Восточного Туркестана[1] другого уйгурского государства, просуществовавшего более 500 лет /216, с.5; 317, с. 286/. Известны истории и Ганчжоуский каганат (847-1028), и Караханидское государство (основано в середине Х в.), созданные уйгурами.

В 1757-1759 гг. Восточный Туркестан, населенный в основном уйгурами (см. /161, с. 45; 203, с. 25/), был завоеван Цинами, что прервало дальнейшее самостоятельное политическое, экономическое и культурное развитие уйгуров. Но восстания 1765, 1816, 1825-1828, 1830, 1847, 1856, 1857 гг. свидетельствовали, что порабощенный народ не прекращал борьбы за национальную независимость. В середине 60-х годов Х1Х в. Восточный Туркестан захлестнула мощная волна антицинского движения. В результате его маньчжуро-китайское господство было свергнуто и на территории Кашгарии и Джунгарии образовались самостоятельные уйгурские (Кучинское[2], Кашгарское, Хотанское, Илийское) и дунганское (Урумчинское) ханства. В 1867 г. на основе Кучинского, Хотанского и Кашгарского ханств было создано единое государство - Йэттишар. Правителем его стал военачальник Якуб-бек. В 1869-1870 гг., завоевав Урумчинское ханство, Йэттишар распространил свой контроль на большую часть Восточного Туркестана. Уйгурский народ вновь обрел независимость. Недолгое существование Йэттишара (1867-1878) было заполнено борьбой Якуб-бека с политическими противниками, тщетными его стараниями добиться признания Йэттишара на международной арене и войной йэттишарцев с цинским правительством. Экономические и другие преобразования в новом государстве почти не имели места. Просуществовав 11 лет, Йэттишар пал под ударами цинских карательных армий. Восточный Туркестан вновь был включен в состав маньчжуро-китайской империи.

Данная монография посвящена внутренней и внешней политике Йэттишара, причем последней уделяется большее внимание, что во многом объясняется содержанием доступных автору материалов.

Источники по восточнотуркестанским событиям 60–70-х годов прошлого века достаточно многочисленны. В их число входят материалы об Йэттишаре в периодической русской, английской, французской, турецкой печати того времени; путевые заметки, описания Восточного Туркестана, написанные на основе личных наблюдений ученых, дипломатов, торговцев, посетивших тогда Кашгарию.

Важное место среди первоисточников занимают русские материалы. Представлены они официальными документами, включая переписку между министерством иностранных дел России и туркестанским генерал-губернатором и донесения русских представителей в Кашгарии[3], а также записками русских военно-дипломатических агентов, посетивших Восточный Туркестан: Н. Аристова /28/, А. Н. Куропаткина /233/, А. В. Каульбарса /51, 52/[4]. Значение первоисточников имеют также сведения, опубликованные в русской периодической печати – газетах "Голос", "Русская мысль", "Биржевые ведомости", "Туркестанские ведомости", "Сын отечества", журналах "Известия Императорского русского географического общества", "Всемирная иллюстрация" и т. д.

К источникам на английском языке относятся "Синие книги"[5] английского правительства, в которых помещались документы по внешней политике Великобритании; путевые записки английских военных эмиссаров: Г. Хейварда /127/, капитана Троттера; отчеты британских ученых, посетивших Восточный Туркестан с дипломатическими и торговыми миссиями: Р. Ша /129/, Т. Форсайта /128/, Беллью /125/, Д. Боулджера /126/ и др. Часто сведения о восточнотуркестанских событиях публиковались в английских научных периодических изданиях и прессе (в "Таймс", "Журнале королевского географического общества" и т. д.)[6].

В русских и английских первоисточниках освещались попытки кокандского хана подчинить Восточный Туркестан, борьба Якуб-бека с политическими противниками, образование Йэттишара, некоторые аспекты его политического положения и связей с Англией и Россией. К сожалению, внутриполитическое положение Йэттишара освещается в них крайне упрощенно, а сведения по экономике страны довольно скудны.

Отношение Цинской империи к национально-освободительному движению народов Кашгарии и Джунгарии изучено автором по данным китайских источников: сведения о кучинском восстании (1864) и социально-экономическом положении Синьцзяна[7] до и после движения 1864–1878 гг. почерпнуты из "Канье Синьцзян цзи" ("Записок об усмирении Синьцзяна") /119/; китайско-кокандские противоречия в Кашгарии и экономическая политика Цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. отражены в "Циндин Синьцзян шилюэ" ("Высочайше

утвержденном кратком обозрении Синьцзяна") /122/, "Пиндин Шань Гань Синьцзян хуэйфэй фанлюэ" ("Истории подавления восстания мусульман в провинциях Шэньси, Ганьсу и Синьцзян") /118/ и т. д. Характерной чертой старой, да и части современной китайской литературы о Синьцзяне, о чем будет говориться ниже, является идеализация политики Цинов в Кашгарии и Джунгарии, оправдание безудержного грабежа, террора и репрессий, чинимых захватчиками на завоеванных землях.

Важнейший материал о восточнотуркестанских событиях прошлого века представили автору уйгурские рукописи[8] – литературные и исторические сочинения, нарисовавшие яркую картину национально-освободительной борьбы уйгуров. Создателями их во многих случаях были участники описываемых событий. Среди этих источников выделяются "Тарих-и-Амние" ("История, посвященная Амину")[9] Мусы Сайрами[10], "Шеир билэ хекаят" ("Стихи и рассказы")[11] Умеди из Караходжи, поэма "Эмир Али" ("Высокий эмир")[12] Ашур Ахун бин Исмайил бин Мухаммеда, "Бадавлет намэ" ("История Бадавлета")[13] Мухаммеда Омар Маргинани, "Тарих-и Кашгар" ("История Кашгара")[14] Мухаммеда Алям из Хотана, "Тарих-и намэ Якуб-хан" ("История Якуб-хана")[15] Махмуд бин Мир-Ахмед шейх Гариби, "Джамат-таварих" ("Собрание историй")[16] Ходжи Юсуф бин Мулла Ашур халифам бинт-и Курбан Суфи бинт-и Сафар-бея, "Рисаля хакан ичида тунганлар килган иши" ("Трактат о делах, совершенных дунганами в Китае")[17] неизвестного автора, поэма "Шарх-и-шикаста намэ" ("Изложение печали")[18] Сайит Мухаммеда из селения Каши (Кульджинский район), "Абдурахман Гази хожа тогрисидики дастан" ("Дастан об Абдурахмане Гази ходже")[19] неизвестного автора, "Китаб-и-тарих джарида-и-джадида" ("Книга по новой истории")[20] Курбана Али из Чугучака, "Китаб-и-газат дар мулки чин" ("Книга о священной войне мусульман против китайцев")[21] Муллы Мусы Юсуф Билал Назима, "Зафар намэ" ("Книга о победах")[22] Муллы Шакира и др.

Кроме того, автором были изучены работы уйгурских авторов-современников. Среди них можно назвать "Якуб-бек хакимийити тогрилик" ("О государстве Якуб-бека") Бурхана Шахиди[23], "Уйгур тарихи хам уларнинг тили тогрисида кискача малумат" ("Краткое сообщение по истории уйгуров и их языку")[24], "Карашахарга юруш" ("Поход в Карашар")[25], "Уйгур халкининг атаклик кахримани ва кошакчиси Садир Палван" ("Садир Палван – знаменитый уйгурский герой и поэт")[26] Зунуна Кадири (написано в содружестве с поэтом А. Ахтамом) и др.

Изучение уйгурских рукописей позволило автору полнее осветить многие стороны восточнотуркестанских событий: установить более точные даты восстаний в городах и округах Джунгарии и Кашгарии, определить роль Якуб-бека в создании Йэттишара, проанализировать ход внутри- и внешнеполитической обстановки, приведшей к гибели государства. Уйгурские источ-

ники неопровержимо свидетельствуют, что движение 1864–1878 гг. было вызвано внутренними объективными причинами, а не явилось отголоском шэньсийского восстания дунган[27], как это рисовалось в неуйгурских источниках прошлого века. Так, например, считая, что выступление уйгуров обусловливалось продвижением в Кашгарию из Внутреннего Китая дунган-повстанцев, царский чиновник И. Захаров в 1866 г. писал: "Из Урумчи инсургенты пошли. . . двумя партиями, одна направилась к Кульдже. . . Другая же. . . через удобный проход в Тяньшаньском хребте, ведущем в Туркестан (т. е. в Кашгарию. – Д. И.), направилась в эту сторону и здесь в городе Куче, подняла . . . мятежных жителей-туркестанцев, как единоверцев, к восстанию против маньчжурских властей" /17, д. 14, л. 102/. Совершенно безосновательно некоторые из современников рассматриваемых событий исключали уйгуров из числа восставших, относя к ним лишь "выходцев из Бухары, дунган – детей магометан от китаянок, равно. . . тибетцев, элютов и торгоутов[28]" /17, д. 14, л. 71/. Китайские авторы прошлого века вообще склонны были рассматривать движение восточнотуркестанских народов как "беспорядки", вызванные "мусульманскими бандитами" /118, с. 15б/.

Неточности и ошибки в рассмотрении восточнотуркестанских событий прошлого века встречаются и в современной литературе. Так, уйгурский автор Б. Шахиди в 1958 г. писал, что образование Йэттишара не было вызвано объективными условиями, а явилось результатом переворота, совершенного Якуб-беком /372; с. 6/.

С первой половины 60-х годов под воздействием идеологии маоизма среди историков КНР по отношению к национальным движениям возобладал подход с шовинистических, великоханьских позиций. С позиции "защиты национальных интересов" был пересмотрен вопрос о характере маньчжурских завоеваний в Центральной Азии, которые были объявлены "прогрессивными" внешнеполитическими акциями /280, с. 60; 309, с. 67–69/. Наиболее откровенной фальсификации история уйгурского народа подверглась в работах Чэн Суло, Фэн Цзяшэна, Му Гуаньвэна и Хун Юаня.

Чэн Суло, например, утверждал, будто во второй половине XIX в. уйгуры были настроены абсолютно лояльно по отношению к "законной власти", а антицинское движение было инспирировано извне: "В Синьцзян прибыл Садык-бек (предводитель киргизов. – Д. И.). . . и Бай Яньху из Шэньси (один из вождей дунганского восстания. – Д. И.). . . Они вступили в сговор между собой и пригласили в Синьцзян феодала-узбека Якуб-бека из Андижана, стремясь установить в Синьцзяне власть /чужеземных и местных) феодалов" /375, с. 167–168/. Для подкрепления своей "концепции" Чэн Суло беззастенчиво "подправляет" исторические факты (он, в частности, пишет, что с Бузрук-

ходжой и Якуб-беком в Кашгар пришел пятитысячный отряд "андижанцев", ни словом не упомянув об антицинском восстании в этом городе в 1864 г.).

Жизнь народов Восточного Туркестана в образованном Якуб-беком Йэттишаре рисуется китайскими историками в самых черных красках. Они уверяют, что уйгурские "крестьяне-должники не могли выплатить арендную плату. . . не имея возможности освободиться от долгов, превращались в рабов. Они должны были платить /и многочисленные налоги/: ушр, зякет, танапный сбор, саман пули, коналгу пули. . . которые составляли 70% земельного налога" /375, с. 172/, хотя хорошо известно, что уже в начале своего правления Якуб-бек отменил в Йэттишаре рабство, а налоги с населения были им уменьшены в 5 раз (см. /402, 1872, № 25/).

Абсолютно не соответствует действительности утверждение Чэн Суло, будто уйгурский народ "не колеблясь поддержал. . . решительную борьбу маньчжуро-китайского правительства против Якуб-бека" /375, с. 174/. Для доказательства в ход вновь пускается подтасовка фактов - будто второй сын Якуб-бека Хак Кули-бек был убит "уйгурскими народными массами" /375, с. 173/ (на самом деле он погиб в ходе междоусобной борьбы, начавшейся после смерти Якуб-бека); будто занятие Якуб-беком Манаса и Кульджи (последняя, как известно, никогда не переходила под власть йэттишарского правителя) вызвало восстание местного уйгурского населения" /375, с. 172/ и т. п.

Соответственно оценивалась историками КНР и карательная политика Цинов. "С точки зрения национальных интересов всей страны (т. е. Китая. - *Д.И.*), - утверждал Чэн Суло, - введение войск в Синьцзян в 1875 г. было совершенно своевременной мерой. Это была справедливая военная акция, направленная на защиту священной территории Родины" /375, с. 174/. В то же время разделявшие эту точку зрения авторы старались не вспоминать ни о последовавшей за "справедливой акцией" кровавой расправе маньчжуро-китайских войск над мирным населением, ни о вынужденном бегстве 100 тыс. йэттишарцев (из них более $^2/_3$ - уйгуры) в Среднюю Азию и Казахстан в 1877-1884 гг., ни о разрушении экономики Восточного Туркестана, ни о том, как были зверски растоптаны древнейшая самобытная культура и обычаи уйгурского народа.

В работе по данной теме автор опирался на труды советских историков: А. Идаятова /355-357/, К. А. Усманова /313-315/, Д. И. Тихонова /305-310/, Л. И. Думана /184-190/ и многих других. В частности, А. Идаятов в своих статьях дал правильную оценку роли Якуб-бека в создании Йэттишара и укреплении его самостоятельности. К. Усманов, изучив первый этап (1864-1867) национально-освободительного движения в Восточном Туркестане, выявил его главные движущие силы - крестьянство и городскую бедноту /315, с. 87-89/. В иссле-

дованиях Д. И. Тихонова проведен анализ внутренней и внешней политики Йэттишара. Отношения Йэттишара с царской Россией рассмотрены в работах А. А. Нарочницкого /263; 264/, с Англией и Турцией - в монографии Г. А. Хидоятова /333/. Использовал автор и материалы исследований Н. Б. Байковой /136/, Г. М. Ибрагимовой /201/, Г. Г. Стратановича /291/, и др.

Критический анализ источников и литературы, посвященных Йэттишару, на русском, уйгурском и других языках дал автору возможность пересмотреть некоторые представления о национально-освободительной борьбе уйгуров 1864-1877 гг. и более полно осветить определенные вопросы внутренней и внешней политики этого государства.

Глава 1

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ ЦИНОВ

В ходе завоевания Цинами Восточного Туркестана 9/10 населения Джунгарии было уничтожено или бежало из страны /196; 232, с. 38/, многие города Кашгарии разрушены, их жители частично истреблены. Земледельческим районам, центрам ремесленного производства был нанесен значительный ущерб.

Власть в Восточном Туркестане стал осуществлять наместник маньчжурского императора – цзянцзюнь (генерал-губернатор). Ставка его находилась в Кульдже. Непосредственно подчинялись ему три цаньцзань дачэня (управителя): илийский, тарбагатайский и кашгарский. В свою очередь цаньцзань дачэням подчинялись баньши дачэни (управляющие). Опирающийся на армию (в 1796 г. в Восточном Туркестане находилось более 40 тыс. солдат) маньчжуро-китайский чиновничий аппарат стал главным эксплуататором восточнотуркестанских народов.

Население Джунгарии и Кашгарии было обложено многочисленными налогами. Главным из них стала подушная подать, от которой больше всего страдали многодетные крестьянские семьи. Кроме нее с крестьян взимался поземельный налог. Одной из его разновидностей была подворная подать. Так, в Илийском крае каждое уйгурское хозяйство ежегодно было обязано сдавать казне 16 даней 48 шэнов зерна /232, с. 40/. Помимо основных с восточнотуркестанских дехкан взимались и дополнительные поборы: плата за владение приусадебными участками, крупным рогатым скотом, овцами, лошадьми, мельничный сбор. При уходе с поста маньчжурского чиновника ему собирали "продовольственный налог на помощь" (банлян), при вступлении его в должность – "продовольственный налог на прием" (чжаолян) /375, с. 167/. В итоге у крестьянской семьи оставалось на руках не более 420–650 кг зерна в год, т. е. по 230–356 г в день на каждого ее члена (если семья состояла из пяти человек), при условии, что весь оставшийся урожай тратился на пропитание /188, с. 284/[1]. Налоговое бремя постоянно возрастало. Так, в начале XIX в. дехкане Урумчинского округа платили по 8 шэнов с 1 му, а в 40-х годах – уже 9 шэнов 6 гэ 3 шао (подробнее о налогах см. /232, с. 40–41; 188, с. 285; 378, с. 166/).

Тяжелые поборы взимались и с городских жителей. Яркендские ремесленники, например (около 65 тыс. человек см /378, с. 248/), ежегодно выплачивали казне 800 цзиней постного масла, 37 тыс. цзиней меди, 61 тыс. кусков ткани, 1432 штуки грубой хлопчатобумажной ткани. Сверх этого с них взимался

подушный налог, а при продаже ими на базаре ремесленных и кустарных изделий в пользу казны отчислялось 10% выручки /157, с. 358/. Для увеличения торговых сборов администрацией были учреждены комиссионные конторы (яханы). Они облагали торговцев-кустарей дополнительным налогом и диктовали разорительные для них рыночные цены. За продажу по цене выше установленной яханы конфисковывали у продавца все товары /232, с. 90/.

Дискриминационную политику проводили завоеватели в отношении местного тюркского купечества. Была введена государственная монополия на многие местные товары: чай, яшму и изделия из нее, золото, меха. Восточнотуркестанское купечество было лишено права свободного передвижения. Кашгарским торговцам, например, запрещено было появляться во многих районах Джунгарии, в частности в Баркуле /232, с. 90/. В ущерб местному торговому капиталу Цины способствовали усилению в крае позиций китайских купцов. С них взимались меньшие торговые пошлины, им принадлежала власть в яханах, только им позволялось торговать чаем[2], в их руках находилась вся внешняя торговля Восточного Туркестана[3]. Местные купцы были поставлены фактически в положение посредников и торговых агентов китайских торговцев. Современник, генерал-губернатор Шэньси и Ганьсу На Яньчэн откровенно признавал: "/Торговля/ в городах Синьцзяна принадлежит *пришлому* (курсив наш - *Д. И.*) торговому люду, и, за исключением мусульман-иноземцев, туземных купцов нет" (цит. по /232, с. 99/).

С установлением в Восточном Туркестане власти Цинов резко возросли трудовые повинности. В принудительном порядке жители края направлялись на строительство новых крепостей, дорог, на подъем целинных массивов. Крестьян в неурочное время принуждали работать на приусадебных участках маньчжуро-китайских чиновников. Известен случай, когда горожан - жителей Аксу, Сайрама и Кучи - насильственно послали в горы на медный рудник. Население сгонялось и на разработку месторождений серы в Аксу, селитры под Уч-Турфаном и Карашаром. Принудительные работы были так часты, что по неделям близкие родственники не видели друг друга /372, с. 12/. Дополнительным бременем ложились на население так называемые городские расходы. По свидетельству Ч. Ч. Валиханова "податные лица в общинах, вносящие 6 пулов месячной подати, дают в пользу городских расходов от 1 до 2 тянга, дающие 10 пулов - от 3 до 4 тянга" /157, с. 358/.

Средством обогащения казны и грабежа восточнотуркестанцев служил специфический натуральный налог, взимавшийся с каждого достигшего совершеннолетия жителя. При этом размеры земельной площади, которой владела та или иначе семья учитывались.

Налоги, поборы, трудовые повинности сочетались с самой беззастенчивой эксплуатацией населения со стороны ростовщиков-китайцев. Месячный процент на денежные и натуральные ссуды достигал 30% /321, с. 193/. Широкое распространение получила разорительная для населения откупная система сбора налогов. В качестве откупщиков выступали те же китайские ростовщики.

Огромный размах в завоеванном крае приобрели лихоимство и взяточничество чиновников. Они забирали бесплатно товары в лавках уйгурских купцов, обедали даром в чайных, безвозмездно заставляли работать на своих полях крестьян. За крупные взятки чиновники продавали китайским купцам лицензии на торговлю чаем, назначали их откупщиками, решали в их пользу тяжбы с местными жителями. Мздоимство чиновной бюрократии дошло до того, что цинский двор вынужден был повысить годовое жалованье низшим чиновникам на 300 лянов и 2880 цзиней зерна для "поддержания бескорыстия" /188, с. 288/. Положение после этого не улучшилось. Чиновники продолжали гоняться за наживой, не останавливаясь ни перед чем. Недоимщиков пытали, отправляли на рудники и даже казнили /374, с. 109/. Произволу и спеси цинских сатрапов не было границ. Местного жителя могли избить просто за то, что при встрече с чиновником он не встал на колени. По приказу цзянцзюня по всему Восточному Туркестану периодически отбирались красивые девушки и направлялись в Пекин на утеху придворным сластолюбцам[4].

Социальной опорой Цинов стали местные духовные и светские феодалы, за которыми были сохранены многие их привилегии, земли, скот. Из них формировался низший чиновничий аппарат трехступенчатой градации (хаким-бек, ишик-ага-бек, казначи-бек)[5]. За службу беки получали земельные наделы. Однако они были лишены многих прав, которые имели раньше. По собственному произволу в любое время маньчжуро-китайские чиновники могли сместить их с занимаемых постов, лишить состояния. Кроме этого, беки-чиновники не получали от казны жалованья. Неустойчивость положения, возможность неожиданной опалы лишь подогревали в них страсть к обогащению. Своей алчностью они могли поспорить даже с завоевателями. "Большие и малые чиновники, беки городов выжимали из народа все соки", - отмечал цзянцзюнь Синьцзяна /231, с. 60/.

Население края находилось под двойным гнетом, его грабили как маньчжурские чиновники и китайские купцы, так и собственные феодалы. Социальные противоречия в Восточном Туркестане после включения его в состав империи с каждым годом продолжали обостряться. Часто доведенные до крайности дехкане и ремесленники брались за оружие. Весь период господства Цинов в Синьцзяне отмечен вспышками народных восстаний[6].

Подавление их заканчивалось гибелью многих тысяч человек, усилением эксплуатации, дальнейшим разрушением экономики края.

В середине XIX в. в Цинской империи произошли события, еще более осложнившие положение восточнотуркестанских народов. Кризис феодальной системы, охвативший страну, опустошил казну. Пекин оказался не в состоянии содержать на свои средства огромную военно-бюрократическую машину в Синьцзяне. Императорский указ 1814 г. положил начало новой политике в Восточном Туркестане, главный принцип которой сводился к следующему: "доходы Синьцзяна сделать расходами Синьцзяна". Эта политика не означала пересмотра прежних направлений экономической деятельности завоевателей, построенной на грабеже и насилии. "Самообеспечение" края стало проводиться не на основе подъема экономики, а за счет более хищнической эксплуатации крестьянства и ремесленников, за счет дополнительного обложения местного купечества. Уйгурские дехкане сгонялись со своих земель, их участки отдавались прибывавшим из Китая колонистам. Начались кампании по освоению целинных массивов. Тысячи уйгуров и дунган насильно переселялись на пустынные земли. Освоение пустошей на новых местах сопровождалось сокращением обрабатываемых площадей на старых. Широкий размах получили тщательное выслеживание и запись частноосвоенных земель для обложения их налогами. Беков стали принуждать к "пожертвованиям" в казну. Те же возмещали свои расходы более жестокой эксплуатацией соотечественников.

Однако все попытки "доходы Синьцзяна сделать расходами Синьцзяна" провалились. Военно-бюрократический аппарат края не мог обойтись своими средствами и требовал от императорской казны все новых и новых поступлений[7]. Между тем ее состояние было в крайнем расстройстве. В 1842 г. Цины проиграли первую "опиумную" войну, которую навязала им Англия. Поражением поспешили воспользоваться США и Франция, заключившие с Пекином неравноправные договоры. Победители получили право учреждать в Китае сеттльменты, беспрепятственно ввозить в страну свои товары. Кроме того, Китай обязывался выплатить Англии 21 млн. юаней контрибуции. Тяготы, вызванные последствиями "опиумной" войны, целиком легли на плечи народов империи. "Контрибуция, которую Китаю пришлось выплачивать Англии после злополучной войны 1840 г., - писал К. Маркс, - огромное непроизводительное потребление опиума, утечка драгоценных металлов, вызванная торговлей опиумом, разрушительное влияние иностранной конкуренции на местное производство, деморализация государственной администрации привели к двум последствиям: прежние налоги стали более тяжелыми и разорительными и к ним прибавились еще новые" /1, с. 100/.

На усиление налогового бремени народ отвечал вооружен-

ными выступлениями. В 1850 г. началось грандиозное восстание тайпинов (1850–1864). В 1862 г. в провинциях Шэньси и Ганьсу разгорелось повстанческое движение дунган. В эти же годы учащаются вспышки народных волнений в Восточном Туркестане. В 1864 г. они перерастают в мощное антицинское движение.

Начало национально-освободительного движения (1864 г.)

Первым открытым антицинским выступлением стало восстание в Куче. Оно началось в ночь с 6 на 7 июня 1864 г.[8].

Причиной возникновения его, как сообщают уйгурские источники, явился слух о предстоящем поголовном истреблении дунганского населения по тайному приказу Пекина[9], распространенный среди солдат-дунган кучинского гарнизона (см. /90, с. 3б; 103, с. 45; 105, с. 38/). Напуганные и возмущенные, дунгане Кучи взялись за оружие (см. /105, с. 45/). К ним присоединились уйгуры во главе с сотником Алияр-беком. Восставшие, сломив сопротивление маньчжуро-китайских войск и их сторонников из числа беков, к утру 7 июня 1864 г. полностью овладели городом. Оставшиеся в живых китайцы бежали в Турфан, Хами и другие города.

Слух о кучинских событиях быстро распространился по всему округу. Жители местных селений вооружались, нападали на маньчжурских чиновников и грабили их имущество. В короткий срок Кучинский округ перешел в руки повстанцев. Беки-предатели, в том числе хаким-бек Кучинского округа Курбан Мухаммед, были казнены (см. /103, с. 6; 105, с. 45/).

Однако стихийное восстание грозило превратиться в анархические выступления отдельных плохо организованных и недисциплинированных мелких отрядов. Каждая группа повстанцев действовала по своему усмотрению (см. /103, с. 6; 117, с. 5б/) что мешало им объединиться и сообща вести борьбу против цинских властей. Между тем обстановка и условия борьбы требовали создания единого, централизованного руководства силами восставших. С этой целью имущие круги Кучи – "ахуны, торговцы, баи, ученые (из духовенства), кази, юз-баши, имамы, муэдзины, – как писал Ходжа Юсуф, – единогласно решили провозгласить ханом Рашидин-ходжу"[10] /117, с. 6б/.

Став правителем Кучи, Рашидин-ходжа принял титулы Ханходжа (Хан из ходжей) и Саид Гази (Счастливый борец за веру) /154, с. 291–292/. Ведущее положение в созданном им государственном аппарате заняли его многочисленные родственники и приближенные. Помощники Рашидина энергично принялись за организацию ополчения из населения Кучинского округа, стекавшегося в город.

В Куче были сформированы два отряда. Один предназначался для похода на восток – для освобождения от маньчжуро-китайских войск Курли, Карашара, Куня-Турфана, Хами и территории до Сучжоу /117, с. 18/, другой – на запад (к Байю, Сайраму, Аксу, Уч-Турфану и Кашгару). Восточный поход под руководством Исхак-ходжи проходил успешно. Часто еще до подхода кучинцев местное население восставало и истребляло китайских солдат (например, в Турфанском округе). К весне 1865 г. отряды повстанцев захватили почти все города и селения Турфанского и Хамийского, Аксуского и Уч-Турфанского округов. Лишь Баркуль, населенный в основном китайцами, окаймленный высокими горами, топкими болотами и укрепленный крепостной стеной /117, с. 28/, повстанцами взят не был.

Западный поход проходил с несколько меньшим успехом. Аксу был освобожден лишь со второй попытки[11]. Затем маньчжуро-китайская администрация была изгнана из Уч-Турфана. Во всех освобожденных городах власть перешла к ставленникам кучинского хана.

Таким образом, национально-освободительное восстание уйгуров, вспыхнувшее 7 июня 1864 г. в Куче, привело к свержению цинского господства во многих других городах Восточного Туркестана. Уже в 1864 г. по приказу Рашидина в городах Куча и Аксу стали чеканить новые монеты /154, с. 288-296/.

Еще до восстания в Куче маньчжуро-китайская администрация Кашгара, хитростью разоружив солдат-дунган местного гарнизона, устроила резню дунган города. Лишь сотне из них (из 4,5 тыс.) удалось спастись (см. /117, с. 35б/). Через два месяца после уничтожения дунган пришла весть о кучинском восстании. В Кашгарском округе начались волнения. Крестьяне переставали подчиняться распоряжениям беков, отнимали у них имущество и скот, а самих их избивали. Беки, спасаясь, бежали в Кашгар.

Несмотря на старания хакима Кашгара Кутлук-бека предотвратить восстание в подведомственном ему округе, накал народного волнения усиливался. В конце июля 1864 г. крестьяне перешли к более решительным действиям. Они начали создавать вооруженные отряды для похода на Кашгар. Только в одном Файзабаде собралось 2 тыс. повстанцев. Затем восставшие направились в местечко Кокча и оттуда к Янгишару (Новый город), крепости, находившейся в 7 км к востоку от Кашгара. Вскоре Кашгар был окружен с трех сторон (см. /117, с. 49/). 12 тыс. маньчжур и китайцев – чиновники, солдаты, купцы – заперлись в Янгишаре, а беки, ахуны и духовенство, служившие маньчжурам, – в Кашгаре (см. /394, 1870, № 2, с. 153/).

Через три дня после начавшейся осады обоих городов к Кашгару прибыл Садык-бек[12] с 3 тыс. всадников. Восставшие, принимая во внимание многочисленность хорошо вооруженных

киргизских воинов, избрали Садык-бека своим предводителем (см. /117, с. 61б/).

13 октября 1864 г. к осажденному Кашгару подошли кучинские войска (см. /105, с. 63/). Кучинские ходжи, подчинив Аксу и Уч-Турфан, стремились расширить сферу своего господства в Кашгарии. Однако, встретив враждебное отношение со стороны Садык-бека (кучинцы были размещены в одном из садов поблизости от города; выход из лагеря для общения с местным населением был им запрещен), войска ходжей через девять дней ушли из-под Кашгара (см. /105, с. 63/).

Осажденные в Кашгаре беки упорно сопротивлялись, в течение 92 дней (согласно "Тарих-и-намэ Якуб-хан" - 62 дня) отбивая штурмы повстанцев. В городе начался голод. В конце концов восставшая городская беднота, возглавляемая Латиф-ходжой, Шамсиддином и Абд-Рашид-ахуном, открыла городские ворота (см. /117, с. 64б-65а/).

Ворвавшись в город, повстанцы расправились с беками-изменниками /117, с. 66/.

После взятия Кашгара Садык-бек составил из местных феодалов правительство, которое распространило свою власть на весь Кашгарский округ, за исключением крепости Янгишар, где заперлись маньчжуро-китайские чиновники и солдаты.

Летом 1864 г. вспыхнуло восстание в Яркенде[13]. Толчком к нему послужило известие о предстоящем поголовном истреблении дунган города. Восставшие перебили почти весь маньчжурокитайский гарнизон, расправились с ненавистными китайскими чиновниками и ростовщиками. Попытка части местных беков, оставшихся верными властям, подавить восстание провалилась /125, с. 203/.

После шестимесячной осады пала и яркендская крепость, защищаемая остатками маньчжурского гарнизона. После свержения цинской власти правителем Яркенда был объявлен престарелый мулла Хазрет-Абдуррахман, а его помощником - бывший хаким города Нияз-бек /233, с. 131/.

Вскоре в город прибыли кучинские войска во главе с Бурхан-ад-дином. Борьба за власть между кучинскими ходжами и Хазрет-Абдуррахманом закончилась компромиссом. "После долгих споров управление было разделено между Абдуррахманом в городе и ходжой Бурханеддином (Бурхан-ад-дином. - Д. И.) в крепости, где помещались дунганские и аксуские войска" /233, с. 131/.

Междоусобные столкновения в Яркенде продолжались до самого подчинения его Якуб-беком[14].

Восстание уйгуров в Хотанском округе вспыхнуло во второй половине июля 1864 г.[15]. Непосредственным толчком к выступлению послужила жестокая казнь семи хотанских жителей, высмеявших некого Халика - слугу китайского чиновника (см.

/108, с. 2/). Повстанцы избрали своим падишахом (царем) главного судью города Хабибуллах-ходжу (см. /105, с. 169/). Заняв город, они окружили городскую крепость, где заперся маньчжуро-китайский гарнизон. Через несколько дней осады крепость пала /108, с. 10/.

Покончив с цинским господством, Хабибуллах-ходжа приступил к укреплению своего государства. В короткий срок была сформирована хотанская армия, численность которой достигла 5 тыс. человек. Содержание такого большого войска было вызвано необходимостью: Хабибуллах-ходже три раза пришлось отстаивать свою власть от притязаний местных феодалов и кучинских ходжей[16]. Свою самостоятельность Хотанское ханство сохраняло вплоть до присоединения его Якуб-беком.

В Урумчи восстание вспыхнуло в ночь с 14 на 15 июля 1864 г. (см. /337, с. 27/). Начавшим выступление дунганским солдатам во главе со старшим полковым командиром (цаньцзянном) Со Хуаньчжаном удалось разоружить часть цинского гарнизона и захватить оружейный склад. К солдатам присоединилось гражданское население города - дунгане и уйгуры. Вожаком их был Даут-халфа (он же Лотай) /337, с. 110/. 15 июля город перешел в руки повстанцев, получивших помощь со стороны кучинцев[17]. Последний оплот цинского господства в городе - урумчинская крепость, где укрылся маньчжуро-китайский гарнизон, пала 3 октября 1864 г. В результате изгнания маньчжуро-китайских захватчиков на территории Урумчинского и соседних округов было образовано Урумчинское дунганское ханство во главе с Даут-халфой. В его состав вошли Манас, Саван, Шихо, Кутуби. Просуществовало это ханство до декабря 1870 г. - до завоевания его Якуб-беком (см. /26, с. 232/).

В сентябре 1864 г. вспыхнуло восстание в предместье Кульджи. Уйгуры и дунгане, сломив сопротивление местного маньчжуро-китайского гарнизона, заняли все пригороды. Остатки цинских войск укрылись в кульджинской крепости. Повстанцы осадили цидатель, но ее захват задержали раздоры, вспыхнувшие между уйгурскими и дунганскими беками. В ходе междоусобной борьбы был убит глава объединенных повстанческих сил Абдурасул-бек. Воспользовавшись отсутствием в стане восставших единства, илийский цзянцзюнь сделал попытку подавить выступление, однако она не увенчалась успехом[18].

В феврале 1865 г. кульджинская крепость пала, а год спустя весь Илийский край был освобожден от маньчжуро-китайского господства. В борьбе дунган и уйгуров за власть победили последние[19]. В мае 1867 г. они образовали в Илийском крае Таранчинский султанат во главе с Алахан-тюрей (Абил-оглы)[20]. Султанат (иначе Илийское, или Кульджинское ханство) просуществовал до 22 июня 1871 г., т. е. до временной оккупации этого района войсками царского правительства (см. /217, с. 45; 319, с. 51-55/).

x x
x

Описанный период был первым этапом повстанческого движения в Синьцзяне. В борьбе против цинского господства участвовали все слои восточнотуркестанского населения, но главная роль, конечно же, принадлежала крестьянству и городской бедноте (см. /315, с. 87/). Таким образом, движение 1864–1867 гг. носило национально-освободительный, общенародный характер. Борьба народов Кашгарии и Джунгарии за национальную независимость, особенно вначале, определенно имела и антифеодальную направленность. И только стихийность выступлений крестьян и городской бедноты, их неорганизованность дали местным феодалам возможность взять инициативу в свои руки. Поддерживая в повстанцах националистические, антикитайские настроения, подогревая в них религиозный фанатизм[21], беки сумели направить стихию народного движения в нужное им русло и руками и кровью народа расчистить себе путь к власти. Победы восставших и ликвидация в Восточном Туркестане маньчжуро-китайского владычества позволили им облечь свою власть в государственные формы. В 1864 г. ими было создано несколько независимых ханств: Кучинское, Кашгарское и Хотанское в Кашгарии и Урумчинское и Кульджинское в Джунгарии. Сведения об этих государствах, содержащиеся в уйгурских рукописях, очень скудны. Так, известно, что правитель Кучи Рашидин-ходжа отдал своему брату Джемал-ад-дину в управление оазис Аксу, двоюродному брату Бурхан-ад-дину – Уч-Турфан, сыну Исхак-ходжи Фаршах-ходже – Курлю, после чего "большие и малые ходжи во главе с Хан-ходжой (т. е. Рашидином. – Д. И.) и его братьями. . . стали совершать такие недостойные дела, которые не соответствовали ни принципам религии, ни законам государства" /105, с. 115, 122/. Произвол и безудержная жадность кучинских ходжей часто приводила к народным волнениям. Пример тому – восстание в Уч-Турфане, начатое по инициативе местной знати и закончившееся неудачно из-за разногласий в лагере повстанцев (см. /105, с. 78–89/).

Сведения о Хотанском ханстве также свидетельствуют о бедственном положении народа. Хабибуллах-ходжа установил "в своем падишахстве такие жестокие порядки, что если их все упомянуть, то напали бы печаль и уныние на слушателей" /105, с. 172/. Правитель Хотана обязывал население неукоснительно соблюдать нормы шариата. Отступники жестоко карались, подвергались гонениям. В ханстве была введена жестокая воинская повинность. От каждой семьи, в которой было двое мужчин, один забирался на военную службу /105, с. 78–80; 103, с. 12/. Содержание значительной для маленького ханства армии (2 тыс. пехотинцев и 3 тыс. кавалеристов) нелегким бременем ложилось на плечи дехкан и ремесленников /103, с. 16/.

В Урумчинском ханстве долгое время происходила борьба за власть между духовным главой мусульман Даут-халфой и военачальником Со Хуаньчжаном. Осенью 1865 г. Даут-халфе удалось одержать над последним победу, после чего власть в ханстве стала носить теократический характер.

Национально-освободительное движение в Синьцзяне победило, но не окончательно. Мелкие враждующие ханства в любое время могли быть смяты превосходящими силами Цинов. Экономические потребности и интересы обороны, защиты политической самостоятельности неминуемо должны были привести к попыткам создания в Восточном Туркестане более крупных государственных образований.

Глава 2

СОЗДАНИЕ УЙГУРСКОГО ГОСУДАРСТВА ЙЭТТИШАР

Важнейшим условием, способствовавшим объединению восточнотуркестанских ханств явились: развитие экономических связей между ними, недовольство народа притеснениями духовных и светских феодалов, необходимость консолидации сил перед возможной агрессией со стороны Цинской империи.

Центром объединения независимых уйгурских государств стал Кашгар. Как уже отмечалось, в конце октября 1864 г. он перешел в руки восставшего народа. Повстанцы публично казнили беков, служивших маньчжуро-китайским захватчикам. Власть в городе захватили представители эксплуататорских слоев. Правителем Кашгара стал Садык-бек[1], предводитель киргизов. Необходимость укрепления своей власти заставила его привлечь к управлению округом местных уйгурских феодалов, известных своими антиманьчжурскими настроениями[2]. Однако действительная власть в новом ханстве принадлежала киргизской племенной знати, начавшей притеснять местное население (см. /73, с. 5; 340, с. 47; 117, с. 66б, 67а/)[3]. Вскоре уйгуры стали проявлять недовольство подобным самоуправством. Желая удержать власть, Садык-бек, по совету приближенных, обратился с письмом к регенту малолетнего кокандского хана Саид-бека - Алим-Кулу - и попросил его прислать кого-нибудь из потомков восточнотуркестанских ходжей, пообещав за это подчинить Кашгар Коканду[4].

Кокандские феодалы воспользовавшись этим случаем для вмешательства в кашгарские дела. Свой выбор Алим-Кул остановил на проживавшем тогда в Ташкенте Бузрук-ходже, который пользовался большим авторитетом среди кашгарского населения, поскольку был единственным оставшимся в живых сыном Джахангира - руководителя антицинского восстания в 1825-1828 гг. Ч. Ч. Валиханов в 1858 г. писал, что Бузрук-ходжа был популярен в Восточном Туркестане, ибо считался человеком ученым и "святым"; с его именем кашгарцы связывали возможность освобождения от власти "неверных"[5]. Популярность Бузрук-ходжи устраивала и Алим-Кула, потому что, как сообщает Мирза Ахмед-кушбеги, в действительности сын Джахангира "был человеком глупым и слабым, не способным освободиться от кокандского влияния" /166, с. 98/.

В декабре 1864 г. Бузрук-ходжа отправился из Ташкента в Кашгар во главе свиты, состоявшей, по одним данным, из 50-

80 /233, с. 132/, а по другим, – из 100-250 человек /105, с. 137; 103, с. 11; 117, с. 67б/. В нее входили кокандские беки, лишившиеся в силу разных причин своих вотчин и решившие попытать счастья на чужбине. В Оше к Бузрук-ходже присоединились около 150 уйгуров – кашгарских эмигрантов во главе с Азиз-джалладом, Якуб-карнайем и другими /105, с. 136-137; 117, с. 67б/.

Отправляя безвотчинных кокандских беков в Кашгар, правительство Алим-Кула рассчитывало, во-первых, избавиться от связанных с ним беспокойств и, во-вторых, установить с их помощью свой контроль над Кашгаром. Выделить для этой цели значительные воинские контингенты Коканд, занятый в то время военными действиями с Россией, возможности не имел.

В свете приведенных данных, основанных на свидетельствах источников, сознательным искажением фактов выглядит утверждение Чэн Суло, что Бузрук-ходжа привел в Кашгар шеститысячное войско /375, с. 167/. Преувеличив численность свиты Бузрук-ходжи в несколько десятков раз, китайский историк пытался доказать, что власть Цинов в Восточном Туркестане была свергнута не восставшим народом, а иноземной силой – кокандцами. Такая постановка вопроса представляет собой грубую фальсификацию истории: ничтожная свита Бузрук-ходжи не могла представлять для Цинов опасности.

В числе кокандцев, сопровождавших Бузрук-ходжу, находился Мухаммед Якуб-бек[6], впоследствии сыгравший главную роль в создании Йэттишара /190, с. 38/.

В январе 1865 г. Бузрук-ходжа прибыл в Кашгар и был объявлен ханом. Но правителем он оказался бесталанным. Воспользовавшись этим, Якуб-бек объединил вокруг себя кокандских беков и вступил с Садык-беком в борьбу за власть. Ему удалось поссорить Бузрук-ходжу с предводителем киргизов. Садык-бек и его приближенные вынуждены были бежать из города в свои кочевья, после чего Бузрук-ходжа назначил Якуб-бека батыр-баши. Тот немедленно приступил к набору солдат из местных жителей /233, с. 135/. Военному делу новобранцев обучали кокандцы и вернувшиеся из эмиграции кашгарцы. В первый же год своего пребывания в Кашгаре Якуб-бек создал армию в несколько тысяч человек. Первые боевые действия новая армия начала против Новой крепости (Янгишара) Кашгара, где все еще находился маньчжуро-китайский гарнизон. Военные приготовления кашгарского батыр-баши встревожили кучинских феодалов, также стремившихся объединить Восточный Туркестан под своей властью. Желая опередить Якуб-бека, весной 1865 г. Рашидин направил к Кашгару 40-тысячную плохо вооруженную и организованную армию /378, с. 109/. Кучинцы наступали по двум направлениям: со стороны Аксу и со стороны Яркенда /233, с. 136/. Оставив небольшой отряд у осажденного Янгишара, Якуб-бек во главе 12,5-тысячной армии вышел навстре-

чу аксуской колонне противника, разбил ее в местности Хан-арык (в 16 км от Кашгара) и преследовал до селения Янгабад (86 км от Кашгара). Затем Якуб-бек обрушился на яркендский отряд. Разбив противника в сражении в урочище Тазгун (130-140 км от Кашгара), Якуб-бек преследовал остатки войск Рашидина до Янги-Гиссара, находившегося еще в руках маньчжуро-китайских властей. В апреле 1865 г. после 40-дневной осады войска Якуб-бека штурмом взяли указанный город. По свидетельству А. Н. Куропаткина, большая часть жителей и гарнизона при этом погибла. Лишь около 200 солдат, женщин и детей, приняв ислам, спасли тем самым свои жизни /233, с. 136/.

После падения Янги-Гиссара Якуб-бек отправил в Коканд послов с подарками. Однако они не застали в живых Алим-Кула: 9 мая 1865 г. он был убит под Ташкентом в сражении с русскими войсками /233, с. 136/. Смертью Алим-Кула воспользовался Худояр-хан. Свергнув Саид-хана, он в третий раз занял кокандский престол. Часть приближенных бывшего правителя, а также некоторые из кашгарских ходжей бежали в Восточный Туркестан[7].

События в Коканде несколько изменили планы Якуб-бека. Стремясь обезопасить свой тыл, он активизировал действия против Янгишара, вступив одновременно в переговоры с начальником гарнизона крепости Хо Долаем. Ему и его подчиненным в случае сдачи и принятия мусульманства было обещано сохранение жизни. Хо Долай согласился. 3 тыс. военных и гражданских лиц, в том числе дети и женщины, приняли мусульманство и были записаны в военное сословие. Хо Долай был назначен начальником "новых мусульман" /233, с. 139/. Около тысячи "новых мусульман" составили тайфурный[8] отряд, присоединенный к армии Якуб-бека.

Взятие Янгишара укрепило положение Якуб-бека. Его популярность возросла. Опираясь на армию, командный состав которой состоял в основном из его ставленников, он перестал считаться со слабовольным Бузрук-ходжой. Самостоятельно подготовив поход на Яркенд, в октябре 1865 г. Якуб-бек двинулся туда вместе со значительным войском. Под самым Яркендом киргизский отряд, возглавляемый Бик-Мугаммедом, самовольно покинул военный лагерь и бежал в Кашгар. Там от имени безвольного Бузрук-ходжи Бик-Мугаммед объявил Якуб-бека снятым со всех постов. Прекратив осаду Яркенда, Якуб-бек возвратился в Кашгар. При его приближении киргизы, захватив Бузрук-ходжу, заперлись в Янгишаре. Якуб-беку не удалось взять крепость штурмом. Он вынужден был вступить с киргизами в переговоры /233, с. 139/. По условиям достигнутого соглашения киргизы получили возможность беспрепятственно покинуть Янгишар (пока войска Якуб-бека входили в крепость через другие ворота). Уходя, киргизы увезли с собой Бузрук-ходжу. Посланная вслед погоня не смогла вернуть его в Кашгар. Якуб-

бек, понимая, что без опоры на потомков ходжей он может лишиться поддержки местного населения, объявил ханом Каттатюрю.

В момент бунта киргизов разбитые ранее Якуб-беком остатки аксуского и яркендского отрядов собрались в крепости Маралбаши[9]. Кучинский хан, решив воспользоваться удобным случаем, направил к Маралбаши свежие части. Соединившись с остатками ополчения, войско Рашидина намеревалось далее двинуться на Кашгар. Предугадав намерение противника, Якуб-бек выслал навстречу кучинцам кавалерийский отряд во главе с Мирзой Ахмед-кушбеги. Кучинцы потерпели сокрушительное поражение. Правителем (хакимом) района Маралбаши стал сын Каттатюри Хаким-хан-тюря.

После четырехмесячного правления Катта-тюря был отравлен /166, с. 99/; по-видимому, он не хотел быть послушным орудием в руках Якуб-бека[10]. Бузрук-ходжа, вернувшийся с повинной в Кашгар после месячных странствований по кочевьям киргизов, опять был объявлен ханом, вновь превратившись в марионетку Якуб-хана.

Захватив Маралбаши, Якуб-бек возобновил поход на Яркенд, где кучинец Бурхан-ад-дин и дунганин Абдуррахман все еще делили власть /105, с. 79/.

Вступив в тайные переговоры с помощником хакима Яркендского округа Нияз-беком, Якуб-бек склонил его к переходу на свою сторону, пообещав ему в будущем высокий пост в своем государстве. Прельщенный этими обещаниями, Нияз-бек уговорил Бурхан-ад-дина сдать город. В ноябре-декабре Якуб-бек вошел в Яркенд. Хакимом Яркендского округа был назначен ташкентский житель Юнусджан-шагаул-дадхох[11].

Присоединением Яркенда к Кашгару закончился 1865 г. К этому времени под властью Якуб-бека находились уже Кашгарский, Янги-Гиссарский, Яркендский округа и район Маралбаши.

Весь 1866 г. Якуб-бек готовил армию к новым походам: пополнял ее новобранцами, обучал их военному делу, снабжал войска оружием, боеприпасами, снаряжением и т. д. В ноябре 1866 г. его 15-тысячное войско двинулось на Хотан /105, с. 242-243/, но прежде им был распространен слух, что в Хотан он идет с добрыми намерениями: поклониться священным местам этого города[12]. Когда кашгарское войско подошло к Хотану, его правитель Хабибуллах-ходжа с большой свитой вышел навстречу Якуб-беку с хлебом-солью. Тот заверил Хабибуллах-ходжу в своем миролюбии и пригласил его остаться на ночевку в кашгарском лагере /105, с. 242-243; 354, с, 16; 370, с. 47/. Хабибуллах-ходжа, принявший приглашение Якуб-бека, ночью был зарезан.

Вероломство Якуб-бека возмутило хотанцев. Вооружившись чем попало, они направились в лагерь кашгарцев. Хорошо обученное войско Якуб-бека без труда расправилось с нестройными

толпами горожан. Хотан был взят. Постепенно было подавлено сопротивление жителей округа, не желавших терять независимость[13]. Всего в борьбе с войсками Якуб-бека погибло около 30 тыс. хотанцев /370, с. 47/.

Новым хакимом Хотана Якуб-бек назначил кокандца Турабходжу.

Весной 1867 г. кашгарские войска численностью в 15 тыс. человек направились к Аксу /105, с. 175/. Хам-ад-дин, Джамал-ад-дин и другие кучинские ходжи, возглавлявшие 12-тысячное аксуское ополчение, после недолгого сопротивления сдали город. Не теряя времени, Якуб-бек двинул свои войска на Кучу. По пути им было разбито ополчение Исхак-ходжи, состоявшее из жителей Бая, Кучи, Курли, Карашара, Шаяра и других городов Кучинского ханства. У стен Кучи вновь была пущена в ход испытанная хитрость: объявив, что прибыл поклониться могиле святого Хазрет-Маулена, Якуб-бек пригласил Рашидина к себе в лагерь, где тот ночью был убит. На следующий день войска Якуб-бека заняли столицу Кучинского ханства. Население округа, недовольное прежними правителями, не оказало сопротивления кашгарцам.

Падением Кучи и добровольной сдачей Якуб-беку Карашара поход на восток был завершен /17, д. 14, с. 9/. Объединение Кашгарии закончилось. В результате переговоров с правителями Урумчи была достигнута договоренность, согласно которой государственная граница между кашгарским и дунганским ханствами проходила "через урочище Ушшак-тал, лежащее в 50 верстах к востоку от Карашара" /233, с. 143/.

Образовав пограничный Курлинский округ, включавший Бугур и Карашар, и назначив его хакимом андижанца Мирбабададхоха (а хакимом района Маралбаши, Аксу и Уч-Турфана Хаким-хан-тюрю), в самом конце 1867 г. Якуб-бек через Уч-Турфан и Аксу вернулся в Кашгар /378, с. 130/.

После блестяще законченного похода ему уже не нужно было прикрываться именами ходжей. Бузрук-ходжа, наделенный 10 тыс. тилля, был отправлен в Мекку "помолиться за благо народа" /105, с. 189/, после чего Якуб-бек объявил себя ханом[14], правителем нового государства - Йэттишар[15]. Так, после многих лет иноземного господства уйгуры добились восстановления своей национальной государственности, чем закладывались основы для дальнейшего экономического и культурного развития. Становление Йэттишара завершилось в напряженной борьбе с дунганскими правителями Урумчи.

Осенью 1869 г. их войска нарушили границу, заняли крепость Карашар и Курлю. Пытавшийся оказать им сопротивление Хаким-хан-тюря (с этой целью он собрал войска из Аксу, Бая, Кучи, Шаяра и ряда других населенных пунктов) вследствие измены шаярцев был разбит в сражении у Уч-Кара, в 14 км к востоку от Кучи. После этого дунганам удалось взять Кучу. По-

теряв несколько тысяч убитыми и ранеными, Хаким-хан-тюря вынужден был отступить в Аксу. Узнав о случившемся, Якуб-бек со своим войском выступил в поход и вскоре прибыл в Аксу. Начальником кашгарских войск он назначил своего старшего сына Бек Кули-бека. Первое сражение с дунганами близ села Куштам, расположенного на дороге Аксу - Куча, окончилось победой Якуб-бека /233, с. 144/. Освободив Кучу и назначив ее хакимом Алияр-бека вместо Исхак-ходжи, он продолжал наступление. Второе поражение дунганским отрядам было нанесено в местности Данзиль /233, с. 144/. Дунгане, отступая, ограбили население Курли. Развивая свой успех, Якуб-бек вступил на территорию Урумчинского ханства и с боем взял Бугур, Тогсун, Куня-Турфан. Продвигаясь дальше, он подошел к столице ханства и остановился в пойме р. Урумчи. Армия его к тому времени насчитывала 15 тыс. человек, разделенных на 5 ляшкеров (дивизий). Она состояла из пехоты, вооруженной кремневыми ружьями и пушками, и многочисленной кавалерии /22, л. 167/. Из Урумчи навстречу йэттишарцам вышла 20-тысячная армия, слабо организованная, вооруженная луками, саблями и пиками.

Несмотря на численное превосходство дунган, генеральное сражение выиграл Якуб-бек. Дунганская армия была рассеяна. Правитель Урумчи Даут-халфа в начале лета 1870 г. отправил в лагерь победителя своего посла Миен Садыка с предложением сдачи. В залог мира дунгане возвратили Якуб-беку всех пленных, захваченных ими в Куче и Курле /23, л. 299/. Якуб-бек, со своей стороны, объявил, что он не будет воевать против братского народа, поскольку уйгуры и дунгане должны объединиться для борьбы против общего врага - маньчжуро-китайских завоевателей.

Дунганское ханство было уничтожено, а его территория, разделенная на три округа (Урумчинский, Манасский и Турфанский), присоединена к Йэттишару. Подати с важнейших городов - Урумчи, Турфана, Манаса, Кутуби, Савана и Шихо стали взимать серкеры Якуб-бека. В то же время, стремясь найти общий язык с местными феодалами, он оставил на своих местах большинство прежних чиновников-дунган.

Население областей, покоренных в ходе завоевательных походов Якуб-бека, неоднократно поднималось на борьбу с кашгаром. Так, в 1867 г. один из ходжей Хотана, посаженный в тюрьму, призвал земляков к восстанию. Жители города, недовольные правлением ставленника Якуб-бека Тураб-ходжи, начали громить административные учреждения и захватили резиденцию хакима. Восстание было жестоко подавлено подоспевшими кашгарскими войсками. Вместо Тураб-ходжи хакимом был назначен хотанец Нияз-бек. В январе 1869 г. от Кашгара отложилась горная область Сарыкол. Ее правитель Алафшах отказался признать зависимость от Якуб-бека. Силой оружия Сарыкол

вновь был включен в состав Йэттишара. Участники восстания были казнены.

Административное устройство и социально-экономическая структура населения Йэттишара

Якуб-бек, стремившийся объединить Восточный Туркестан, в основном решил эту задачу. После присоединения дунганского ханства территория Йэттишара значительно расширилась, охватив *почти весь Восточный Туркестан (за исключением занятой* в мае 1871 г. русскими войсками Илийской области и крайних восточных округов - Баркуля и Хами - оставшихся под контролем цинской администрации) и составив около 1,5 млн. кв. км[16].

Объединение Якуб-беком мелких ханств в единое государство представляло собой прогрессивное явление, способствовало продолжению борьбы за независимость уйгуров.

"Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране. . . учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи" /14, с. 263-264/. Это указание В. И. Ленина следует применять и при анализе социально-экономической и политической обстановки, сложившейся в Синьцзяне в последней трети XIX в.

Йэттишар представлял собой феодальное государство, защищавшее интересы феодалов, военной аристократии и духовенства, эксплуатировавших основную массу населения - крестьян и *городскую бедноту*.

Глава государства Якуб-бек был абсолютным монархом и имел несколько титулов: Аталик гази (Покровитель мусульманской религии), Бадаулет (Счастливец); турецкий султан Абдул-Азиз, формально признавший Йэттишар, присвоил Якуб-беку звание эмира[17]. Все важные дела, касавшиеся внутренней и внешней политики страны, решались только Якуб-беком. Ближайшими его помощниками и советниками были уйгурские и кокандские феодалы. Например, Нияз-бек, бывший при Цинах хакимом Яркенда, а при кучинских ходжах помощником хакима Яркендского округа, при Якуб-беке стал хакимом Хотана; начальник кучинских войск Исхак-ходжа, брат свергнутого Рашидина, - хакимом Кучинского округа.

В административном отношении Йэттишар был разделен на 12 основных и 5 второстепенных вилайетов (округов). К основным относились Кашгарский, Янги-Гиссарский, Яркендский, Хотанский, Аксуский, Кучинский, Байский, Курлинский, Уч-Турфанский, Турфанский, Урумчинский и Манасский /306, с. 112/, к второстепенным - Маралбашинский, Кальпинский, Улугчатский,

Каргалыкский и Таш-Курганский округа. Административными центрами округов были одноименные города. Крупные селения - Упал, Таш-Малик, Артуш, Аргу, Тазгун, Хан-арык[18] - входили в состав Кашгарского округа, но имели независимое от Кашгара управление.

Округа и отделения (или второстепенные округа), управлявшиеся хаким-беками, в административном отношении делились на селения (во главе которых стояли беки, тогсобы, пансаты, юзбаши), а последние - на кишлаки. Состав округов (весьма различный) определялся размером имевшихся на их территории орошаемых земель.

Хаким-беки (так же, как и начальники укрепленных пунктов на границе) подчинялись непосредственно Якуб-беку.

В руках хаким-беков сосредоточивалась вся военная и гражданская власть в округе. Осуществляя общее руководство, они следили за поступлением налогов, исправностью дорог, мостов, городских стен, снабжением проходящих войск, мобилизацией крестьян на рытье оросительных каналов, строительством мечетей на хашарных (общественных) началах и т. д.

Будучи командующими войсками своих округов, хаким-беки отвечали за набор воинов, их обучение, обеспечение оружием, снаряжением и питанием, обязаны были лично возглавить их в случае вторжения неприятеля или народных волнений.

Важнейшей же функцией хаким-беков было, естественно, выполнение указаний Якуб-бека.

В административный аппарат каждого округа, возглавляемого хаким-беком, входили кази-аскер (военный судья), кази-калян (старший гражданский судья), кази-раис (старший над раисами[19]), баш серкер (старший сборщик налогов), серкеры (сборщики налогов), эмир пяшкер (главнокомандующий), пяшкер-баши (командиры дивизий), тогсобы (командиры полков), пансаты (пятисотники), юзбаши (сотники), пянджбаши (пятидесятники), онбаши (десятники), мирзы (писари), махрамы (адъютанты), миршабы (начальники ночной стражи), мирабы и кукбаши (управляющие оросительными системами).

В Йэттишаре не было писанных законов. Все спорные вопросы решались на основе догм шариата[20], мелкие - казиями (судьями), более крупные - кази-калянами. Дела политического характера рассматривались кази-аскерами либо самим Якуб-беком. Возможность принимать произвольные решения способствовала довольно широкому распространению таких явлений, как злоупотребление служебным положением, взяточничество и т. п.

Кроме перечисленных высших чиновников существовал многочисленный штат низших[21].

Созданный Якуб-беком административный аппарат мало чем отличался от того, что существовал при Цинах. Например, хаким-беки, кази-каляны, раисы, кукбаши и мираб-беки были и при цинском правлении и выполняли те же обязанности (под конт-

ролем маньчжуро-китайских чиновников), что и позднее в государстве Якуб-бека.

Изменения коснулись, скорее, не сущности обязанностей чиновников, а названий должностей. Например, во времена цинского правления наиб-бек /37, с. 300, 316, 386/ и диван-беги-бек /37, с. 371, 611/ выполняли особые поручения хаким-бека, в Йэттишаре подобная обязанность перешла к главному серкеру и мирэам; обязанности бадаулер-бека (сборщика пошлин с товаров) и керей-ярах-бека (надсмотрщика за иностранными товарами) стал выполнять зякетчи, а функции сан-беги (сборщик хараджного налога) и шан-беги (второй помощник хаким-бека) - серкер (отвечавший за сбор хараджного налога, хранение и сдачу его в государственные амбары); права раисов, следивших за точным выполнением населением догм шариата, были расширены /33, с. 212-213/.

Некоторые военные звания - эмир-ляшкер, батырбаши /37, с. 195, 327/, пансат и др., упраздненные при цинском господстве, были восстановлены Якуб-беком. Титул кушбеги (правитель, наместник), существовавший в среднеазиатских ханствах, в Йэттишаре потерял свое значение, сохранившись лишь в качестве составной части мужских имен у выходцев из Коканда.

Основную часть чиновников в Йэттишаре составили жители Восточного Туркестана (в том числе эмигранты, вернувшиеся туда после свержения цинского господства). В Кашгаре, Яркенде, Хотане, Аксу, Куче и Куня-Турфане, т. е. в Кашгарии, как мы установили, более 80% чиновников были уйгурами, в Урумчи и Манасе - дунганами; и лишь менее 20% составляли выходцы из Коканда, Турции, Афганистана и т. д.

За свою службу высшие чиновники (хаким-беки, тогсоб-беки, мин-беки, кази-каляны, кази-аскеры), военачальники (а также родственники Якуб-бека) вместо жалованья получали союргал /105, с. 177-178/ - право на присвоение части дохода с пожалованных территорий /309, с. 113/. Союргал не наследовался и не являлся пожизненным: чиновник, отстраненный от занимаемой должности, тут же терял и право на получение союргального дохода. Поэтому его получатели стремились путем разного рода злоупотреблений как можно скорее набить свою мошну.

Низшие чиновники кормились за счет специальных налогов - кяфсена и саман пули, а солдаты за службу получали продовольственные пайки, обмундирование, незначительное жалованье деньгами и земельный участок, размер которого, к сожалению, нам не удалось установить.

Таким образом, особых изменений в административное управление государством по сравнению с прошлым Якуб-бек не внес. Для создателя феодального государства не было необходимости изменять веками складывавшиеся в Восточном Туркестане порядки.

Эксплуататорские слои Йэттишара были представлены крупными землевладельцами, военной знатью, духовенством, беками-чиновниками, купцами и ростовщиками. Все они в различной мере пользовались всевозможными привилегиями. В народе о богатстве приближенных Якуб-бека ходили легенды. Так, о Махмуд-хане, хакиме Маралбаши, говорили, что если уложить его серебро дорожкой, она соединила бы Маралбаши и Аксу (расстояние между ними составляет около 200 км). Нияз-бек, хаким Хотана, однажды отправил в подарок Якуб-беку 8 чариков золотого песка, тысячу ямб серебра, дорогие меха и т. д. /105, с. 190/.

Огромными состояниями владели ходжи. Потерпев в упорной борьбе с Якуб-беком поражение, они вынуждены были признать его верховным властителем государства, за что не только сохранили свои богатства и привилегии, но и получили новые пожалованья.

Как и в Европе, где "поп всегда шел рука об руку с феодалом" /3, с. 449/, в Йэттишаре ходжи, ахуны и муллы вместе с беками - светскими феодалами - эксплуатировали трудящиеся массы.

К эксплуатируемому населению Йэттишара (*пухра* - подданные, масса, народ, простолюдины) относились крестьяне, бедные скотоводы, ремесленники, мелкие торговцы, вольнонаемные поденщики и т. д. В некоторых районах Йэттишара (как отмечал, например, в начале 1870 г. Г. Хейвард /382, с.255/), несмотря на официальное запрещение Якуб-бека, сохранялось рабство. Фактически на положении рабов находились личные слуги феодалов и военачальников - нукеры. Сравнительно широко была распространена личная зависимость крестьян от чиновников, управлявших селениями, и военачальников, которым Якуб-бек выделял земли (деревни) с крестьянами. Последние помимо уплаты на общих основаниях хараджного и танапного налогов обязаны были обрабатывать поля своих хозяев в порядке барщины.

На одной из самых низших ступеней социальной лестницы стояли "новые мусульмане" ("йэнги мусулманлар") - китайские солдаты и офицеры, вынужденно принявшие мусульманство. Часть их составляла тайфурные войска, часть служила нукерами у уйгурских военачальников.

Весьма характерно, что после изгнания маньчжуро-китайских оккупантов в Йэттишаре исчезла такая прослойка населения, как салтаны (бродяги, нищие). В 1858 г. Ч. Ч. Валиханов писал о них, что наряду с дервишами, курильщиками гашиша, азартными игроками, салтаны "первые поднимают оружие при восстаниях и режут всех беков и китайцев, а при бегстве ходжей грабят их дома. . . и помогают китайцам" /157, с. 365/. При Якуб-беке салтаны были призваны на военную службу.

Некоторые аспекты экономической политики Якуб-бека

Придя к власти, большое внимание Якуб-бек уделил аграрным мероприятиям. Прежде всего он объявил всю землю – основной источник государственного дохода – казенной собственностью. Хан, олицетворявший государство, писал Д. И. Тихонов, "был единственным носителем права собственности на землю и на доходы с нее. Руководствуясь этим положением, Якуб-бек считал всю землю своей собственностью, которой он имеет право распоряжаться по личному усмотрению: жаловать во временное или постоянное пользование, сдавать в аренду" /309, с. 117/. Однако, как это сплошь и рядом бывало в восточных деспотиях, реальная картина поземельных отношений была значительно более сложной. В Йэттишаре параллельно существовали несколько форм землевладения.

Земли (и имущество) маньчжуро-китайских феодалов, местных беков и ходжей, поддерживавших Цинов, а также сторонников кучинского и хотанского ханов были конфискованы в пользу государства. Эти земли, называемые *ханийэ* (или *падшалик*) *зэмин* [22], по указанию Якуб-бека продавались за большие деньги – по 40 тянга за чарик /309, с. 118/. Доход от продажи поступал в ханскую казну. Более чем за полмиллиона серебряных тянга были проданы таким образом обрабатываемые лично зависимыми крестьянами поливные земли, а также сады, леса и пастбища, ранее принадлежавшие некоторым аксуским и маньчжуро-китайским феодалам в местностях Акяр, Гулфан, Мирзатам и Онбаш Аксуского округа; за 400 тыс. серебряных тянга – земли в Бае и Сайраме /354, с. 18/. Проданные государственные земли переходили в вечную собственность покупателей. За оформление документов на покупку с них брали дополнительные сборы, составлявшие 4% стоимости приобретенного участка /372, с. 11-12/. Ханийэ зэмин по приказу Якуб-бека передавалась также чиновникам и военачальникам Йэттишара в сокргалы вместо жалованья /309, с. 318/.

Существовавшее параллельно с государственным частное землевладение было представлено (помимо проданных по указанию Якуб-бека государственных земель) наследственными владениями. Многие крупные феодалы (например, Исхак-ходжа в Куче, Махмуд-бек в Маралбаши и др.), содействовавшие воцарению Якуб-бека, сохранили свои наследственные земли, которые сдавались ими в аренду крестьянам на кабальных условиях /309, с. 318/.

Особую категорию землевладения составляли вакуфные земли, принадлежавшие мазарам святых и мечетям. Духовенство сдавало их в аренду крестьянам. Взимаемая плата шла на содержание мулл и ахунов, на ремонт культовых сооружений и т.п. Кроме арендной платы арендаторы обязаны были платить церков-

ную десятину /378, с. 160/. Иногда на вакуфных землях использовалась отработочная рента.

Нуждаясь в поддержке духовенства, Якуб-бек постоянно расширял вакуфный фонд за счет земельных пожалований, строил новые и ремонтировал старые мечети, требовал от населения строгого выполнения всех религиозных обрядов и т. д. По свидетельству Беллью, посетившего Кашгарию в 1873-1874 гг., и Хаттона только в Кашгаре было около 60 медресе, а в Яркенде 160 мечетей и 28-30 медресе /33, с. 206, 241/. Обилие религиозных заведений дает основание предположить, что вакуф играл заметную роль в аграрной системе Йэттишара. Вакуфные земли увеличивались за счет пожалования Якуб-беком мечетям, медресе, мазарам земельных участков, иногда значительных размеров. Духовенству предоставлялись и значительные привилегии. "Земли, принадлежавшие ранее духовенству, - пишет Д. Тихонов, ссылаясь на Т. Д. Форсайта /127, с. 103/, - оставались в их владении. Духовенство не платило дополнительных налогов. . . и в отдельных случаях освобождалось от уплаты основного налога государству" /309, с. 119/.

Основную массу крестьянства Йэттишара составляли лично свободные дехкане. Часть из них владела небольшими участками земли[23] и выплачивала с них многочисленные налоги (подробней о налогах см. /377, с. 161/). В земельный фонд этой группы дехканства входили также танапные земли, т. е. площади, занятые садами и огородами. Однако не будучи официально прикрепленными к земле, лично свободные дехкане не могли уходить со своих участков, так как в этом случае теряли на них права.

Другую прослойку йэттишарского дехканства составляли крестьяне, не имевшие земельной собственности и вынужденные арендовать ее либо у государства, либо у крупных землевладельцев и духовенства. Арендаторы, официально считавшиеся лично свободными, фактически находились в экономической кабале: никто из них не мог уйти от хозяина, не выплатив ему арендную плату и долги.

Все слои населения Йэттишара, за исключением военнослужащих и чиновников, платили государству налоги. Самым значительным из них был харадж (ушр) - поземельно-подушный налог в пользу государства, который на основании положений шариата взимался в размере 1/10 части урожая. Харадж собирали серкеры, назначаемые Якуб-беком или хакимами округов; последними, как правило, установленная норма сбора превышалась и доводилась до 1/9 или даже до 3/10 урожая /127, с. 103; 166, с. 102/. Сбор со скота и товаров составлял следующий вид налогов - зякет. По мусульманским законам он, как и во всех среднеазиатских ханствах, взимался в размере 2,5% стоимости товара, но сборщики часто злоупотребляли своими правами и более чем в два раза повышали размеры налога /378,

с. 161/. Харадж и зякет, введенные Якуб-беком в 1867 г., впоследствии стали основными источниками дохода государства /378, с. 160/. Налог, взимаемый с садов[24], виноградников, бахчей, огородов[25], площадей, засеянных хлопком, клевером, коноплей[26], маком и т. д., назывался танапным сбором. Он взимался деньгами в размере 10–20 тянга с танапа[27]. Размеры танапного сбора постоянно колебались в зависимости от урожая и сорта выращиваемой культуры.

Ушр (харадж), зякет и танапный сбор являлись основными налогами.

Налоговую политику Якуб-бека отличал ряд особенностей. Так, налоги на душу населения в Йэттишаре распределялись неравномерно по различным районам. Например, жители Янги-Гиссара с окрестностями платили подати в значительно больших размерах, чем население прочих городов: при равном числе дворов (2 тыс.) в Янги-Гиссаре и селении Бугур (оба населенных пункта относились к Курлинскому округу) хараджный налог с янги-гиссарцев составлял 42 тыс. чариков зерна, с бугурцев – 40 тыс., зякетный сбор с первых равнялся 60 тыс. тянга, со вторых – 25 тыс., танапный сбор с янги-гиссарцев составлял 21 тыс. тянга, с бугурцев – 20 тыс. (подробней о размерах налогов по отдельным округам, городам и селениям Йэттишара см. прил. II). По-видимому, столь неравномерное налогообложение объяснялось разной налогоплатежной способностью населения различных местностей. Так, известно, что жители Кашгарского округа были гораздо беднее жителей остальных округов Йэттишара /17, л. 38–40; 25, с. 6/. Жители села Артуш этого округа платили, например, более чем в два раза меньше хараджного и в 5,5 раза меньше танапного и зякетного сбора, чем жители того же селения Бугур Кучинского округа (см. прил. II).

Размеры основных налогов в среднем были ниже, чем при цинском господстве. Например, по свидетельству Ч. Ч. Валиханова, посетившего Кашгар в 1858–1859 гг., население этого города, составлявшее приблизительно 64 тыс. человек /157, с. 342/, платило маньчжурскому правительству ежегодно 36 тыс. лянов серебра и 14 тыс. мешков хлеба /157, с. 357/, что в пересчете на душу составляет 0,56 лянов и 0,2 мешка, или 6 руб. 72 коп. и примерно 22 кг зерна. При Якуб-беке же в селении Тазгун того же Кашгарского округа каждый человек платил годовой налог в пользу государства в размере 20,16 кг зерном и 22 коп. деньгами.

Кроме основных йэттишарцы облагались дополнительными налогами. Одним из них был саман пули – налог соломой, который взимался серкерами на корм своему скоту. К каждым 53 кг сдаваемого зерна налогоплательщик должен был добавлять два мешка соломы или выплачивать их стоимость деньгами. Другим налогом в пользу сборщиков был кяфсен. Размеры

его определялись хакимами, поэтому величина кяфсена в каждом округе была различной. При передвижении армии Йэттишара по территории каждого округа местные жители должны были обеспечить ее необходимыми продуктами питания, средствами передвижения (лошадьми и повозками) и кормом для скота. Этот вид повинности назывался коналгу пули – т. е. "деньги на кочевку". Частые передвижения армии с одного конца страны в другой и связанный с этим непредусмотренный дополнительный сбор тяжелым бременем ложился на плечи трудящихся. Существовал в Йэттишаре и специфический налог *тари-кара* – сбор с имущества умершего: 2,5–5 % стоимости имущества отходило государству.

Кроме названных выше сборов в обязанность населения входило угощение гостей – иностранных купцов, послов – по пути их следования по стране. К числу дополнительных повинностей относилось также бесплатное обеспечение казарм и государственных помещений топливом, участие населения в неоплачиваемых хашарных работах, т. е. работах на общественных началах. Ремонт дорог, мостов, общественных зданий, строительство оросительных каналов, мечетей, городских крепостных стен, валов – далеко не полный перечень хашарных работ, выполнявшихся йэттишарскими дехканами и ремесленниками. Однако все эти подати и повинности не шли ни в какое сравнение с тяготами налоговой политики, проводимой Цинами. Наши подсчеты показали, что размеры государственных налогов, сборы на городские расходы при маньчжурах в тех районах, где они считались самыми низкими, были в 20–30 раз выше, чем в Кашгарском округе Йэттишара при Якуб-беке.

В начале своего правления, желая заручиться поддержкой крестьянской массы и городской бедноты, Якуб-бек несколько уменьшил размеры податей. Так, в 1872 г. "Туркестанские ведомости" писали: "Налоги составляют 5 % годового дохода, при китайцах были 25 %, внутренних пошлин вовсе нет. В этой умеренности фиска, в правдивости суда Якуб-бека вся тайна его могущества" /402, № 25/. Проводить в первые годы существования Йэттишара подобную умеренную налоговую политику Якуб-беку позволяли большие доходы от продажи конфискованных у маньчжуро-китайских феодалов и беков-изменников земель. О сравнительно хорошем состоянии казны Йэттишара в начале правления Якуб-бека говорят и факты о положении йэттишарской армии. В 1872 г. М. Венюков сообщал: "Якуб-бек занимает своих солдат. . . многочисленными постройками и рытьем каналов, причем платят за работы весьма аккуратно, в день от 10 до 20 копеек, тогда как обыкновенное жалованье солдату есть 5 копеек. Если. . . обязательных рабочих мало, то нанимают вольных, так же исправно оплачиваемых" /165, с. 142–143/.

К концу существования Йэттишара налоговые ставки резко

возросли. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, укрепив свое положение, Якуб-бек больше не опасался народных волнений, которые, несомненно, представляли для него угрозу в начальный период правления. Во-вторых, увеличение налогового бремени было вызвано необходимостью содержания большой армии. Весной 1873 г. в Йэттишар вторглись цинские войска /337, с. 61/. Интересы защиты независимости государства вынудили Якуб-бека довести численность армии и ополчения до 45 тыс. человек /233, с. 206/, что, естественно, повлекло за собой усиление налогового гнета. В 1879 г. А. Н. Куропаткин писал: "Класс земледельческий, самый многочисленный и важный в Кашгарии, не мог быть доволен существующим в стране порядком вещей, потому что ему за свой тяжкий труд приходилось получать не $^{9}/_{10}$ урожая (как устанавливает мусульманский закон), а половину, иногда же всего $^{1}/_{4}$ урожая" /233, с. 44-45/. Резкое увеличение размеров податей в последний период существования Йэттишара отмечал и очевидец событий тех лет Муса Сайрами, писавший, что "период справедливого правления Якуб-бека сменился жестокостями и угнетением" (цит. по /306, с. 165/). В подготовке к войне, как писал А. Н. Куропаткин, "Якуб-бек довел свои усилия до крайнего напряжения, силы же китайцев могли расти с каждым месяцем" /233, с. 208/. Слаборазвитая экономика Йэттишара не могла противостоять материальным возможностям Цинской империи, которая направила в Синьцзян 191 батальон солдат и ежегодно затрачивала на снабжение карательной экспедиции 9 млн. лянов серебра /190, с. 38/.

Итак, государство, созданное Якуб-беком, имело все условия для нормального экономического развития и независимого существования. Обстоятельства, приведшие к хозяйственной разрухе и, в конце концов, к падению Йэттишара, были вызваны причинами внешнего свойства: особой, крайне неблагоприятной внешнеполитической обстановкой, обусловившей международную изоляцию Йэттишара. Именно это позволило Цинской империи сравнительно легко ликвидировать суверенное уйгурское государство.

Глава 3

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЙЭТТИШАРА

С первых же дней своего существования Йэттишар вступил в сложные отношения с государствами, интересы которых так или иначе были связаны с Восточным Туркестаном и Средней Азией.

Постоянную угрозу для него представлял цинский Китай, в 60-е годы в связи с тяжелым внутренним положением вынужденный отложить развертывание карательной кампании против Йэттишара, к которой он приступил в начале 70-х годов. Эта акция превратилась в новое завоевание маньчжуро-китайскими феодалами Восточного Туркестана.

События в этом регионе затрагивали и интересы царской России, занятой устройством своих новых владений в Средней Азии и Казахстане и опасавшейся, что освободительное движение уйгуро-дунганских повстанцев и укрепление Йэттишара приведет к отпадению от нее обширного рынка сбыта, каким являлся Восточный Туркестан /17, д. 12, л. 99/. За сближение с Россией стояли такие приближенные Якуб-бека, как Тураб-ходжа и Заман-бек /18, л. 187/.

Укрепить свое влияние в Восточном Туркестане стремилась и Англия, в 40-х годах XIX в. завоевавшая Пенджаб и открывшая таким образом себе путь для продвижения в Афганистан и Среднюю Азию. Ревниво следя за действиями России, она ни в коем случае не хотела допустить усиления влияния последней на Якуб-бека. В этой своей борьбе Лондон опирался на Саид Якуб-хана, приближенного кашгарского правителя, и его сторонников /18, л. 187/. И для России, и для Англии Восточный Туркестан был важен не только как рынок сбыта, но и как стратегический плацдарм. Борьба вокруг Йэттишара явилась одним из самых острых моментов в англо-русском соперничестве в Азии /206, с. 226-233/.

Пыталась утвердиться в Восточном Туркестане и Турция, население которой имело общую с уйгурами религию, и Кокандское ханство, еще до событий 1864 г. успешно боровшееся с Цинами за укрепление в Синьцзяне своего влияния[1].

Эта сложная международная обстановка и определила направление внешнеполитической деятельности Якуб-бека. Учитывая географическое положение Йэттишара, в первую очередь он стал искать сближения с Россией. Еще летом 1867 г. он принял посланцев полковника В.А. Полторацкого (начальника рус-

ского отряда), прибывших с предложением установить между двумя государствами торговые отношения. Вскоре после переговоров Якуб-бек прислал в г. Верный (ныне Алма-Ата) к Полторацкому своего личного секретаря Тюря Ахуна для дальнейшего обсуждения торговых вопросов. Подводя итог встречи с Тюря Ахуном, в сентябре 1867 г. Полторацкий доносил генерал-губернатору Западносибирского военного округа: "Открытие непосредственной торговли с Кашгаром и установление для сего мирных, если не дружественных отношений к оной стране, давно уже было признано особенно полезным в видах решения азиатской торговли". Он сообщал далее, что Якуб-бек "согласен: а) на учреждение в Кашгаре русского караван-сарая, б) на постоянное пребывание в Кашгаре аксакала (старшины) русских торговцев, что было бы равносильно учреждению там консульства. . . Якуб-бек ручается не только за безопасность и безобидность наших купцов в Кашгаре, но готов даже конвоировать наши караваны до Нарына" /17, оп. 8, д. 14, л. 9/.

Принимая кашгарских представителей, Полторацкий действовал по собственной инициативе, так как не был уполномочен принимать какие-либо решения по вопросам установления с Йэттишаром тех или иных отношений.

Царское правительство признало инициативу полковника Полторацкого "войти в официальные сношения с Кашгаром" преждевременной /17, оп. 8, д. 14, л. 9, 12/. В директиве, посланной в Верный, Петербург указывал, что признает в Западном Китае только права цинского правительства и полагает, что Якуб-бек может быть "весьма недолговечным владетелем Восточного Туркестана" /17, оп. 8, д. 14, л. 13/. Однако сознавая, что восточнотуркестанский рынок открыл бы новые каналы для оживления русской среднеазиатской торговли, Петербург рекомендовал Полторацкому договориться с кашгарскими посланниками относительно свободного торгового обмена между русскими и уйгурскими купцами без прямого в этом участия русского и йэттишарского правительств.

Ответ Полторацкого, привезенный Тюря Ахуном из Верного не удовлетворил Якуб-бека. Он предпринял еще одну попытку договориться с Россией и в 1868 г. отправил в Ташкент к генерал-губернатору Туркестанского края К. П. Кауфману своего приближенного Шади Мирзу. Тому было поручено добиваться признания Россией независимости Кашгара. Ввиду временного пребывания Кауфмана в Петербурге Шади Мирза был направлен, по указанию Кауфмана, в русскую столицу. Позже Кауфман доносил об этом директору Азиатского департамента Стремоухову: "Давая свое согласие принять Шади Мирзу, я имел в виду, что если бы прием посланца Якуб-бека был отсрочен до моего возвращения в Ташкент, то это походило бы на нежелание войти в сношение с Якуб-беком. . . который непринятие его посла непременно счел бы преднамеренным оскорблением и желанием воевать с ним.

Между тем закрытие кашгарского рынка с его многолюдным и отброшенным от всех мануфактур мира народонаселением было бы очень невыгодно для наших мануфактур" /17, оп. 8, д. 14, л. 26/. Из этого письма видно, какое значение царская администрация придавала налаживанию торговых связей с Йэттишаром.

В Петербурге Шади Мирза был гостеприимно принят /385, с. 181/, но министерству иностранных дел было дано указание "ограничиться относительно него одной вежливостью, предоставив все переговоры Туркестанскому генерал-губернатору". Таким способом Петербург надеялся придать визиту кашгарского посланника значение второстепенной встречи для обсуждения вопросов взаимной торговли и пограничных проблем и этим подтвердить свое неукоснительное соблюдение трактатов, подписанных с Пекином. "Впоследствии мы можем даже откровенно заявить в Пекине сущность заключенных нами с Якуб-беком условий, так как это нисколько не нарушает трактатов", - говорилось в правительственном документе /17, оп. 8, д. 14, л. 32/.

В результате уклончивой политики царского правительства цель миссии Шади Мирзы - признание Йэттишара - не была достигнута.

Однако заинтересованность в подъеме экономики приграничных городов (Семипалатинска, Сергиополя, Капала, Верного), а также необходимость создания препятствий на пути проникновения в Восточный Туркестан Англии, заставили русские пограничные власти признать важность налаживания добрососедских отношений с Йэттишаром и, в частности, способствовать развитию двусторонних торговых связей. Так, генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман докладывал Стремоухову: "Находя нужным войти в сношения с правителем Джетышара (Йэттишара. - *Д.И.*) Якуб-беком по предмету установления мирных торговых отношений между Россией и управляемой Якуб-беком страной, я изготовил проект условий о торговле между русскими купцами и джетышарскими подданными. . ." /17, оп. 8, д. 14, л. 29/. В письме Кауфмана правителю Йэттишара аргументировалась необходимость взаимовыгодных связей: "Человек должен обменивать избытки произведений своей земли на избытки произведений других земель и стран. Ваша страна производит, например, хлопок и люди Ваши приготовляют разные изделия, которые в настоящее время дают мало дохода людям Джетышара. У людей русского государства растет мало хлопка, зато есть много хлопчатобумажных изделий, мало . . .шелка, между тем, они выделывают шелковые материи из шелка других стран; много медных, железных и других вещей. Если джетышарцы и русские будут свободно обмениваться своими избытками, Джетышар станет богаче и даст больше дохода казне Вашей" /26, оп. 34, д. 28, л. 65/.

Но торговые связи не могли заменить Якуб-беку дипломатических, столь необходимых ему в условиях конфронтации с Ци-

нами. В конце 1868 г. он еще раз показал свое стремление установить с Россией дружественные отношения. В это время в урочище Тогус-тюра имело место нападение на токмакского уездного начальника. Налетчики, возглавляемые киргизами Османом и Койчи, захватили в плен писаря уездного начальника Розлина, волостного управителя Кельдыбека и разграбили имущество, принадлежавшее русскому офицеру. Сначала бандиты бежали в Кокандское ханство, но не считая себя там в безопасности, перебрались в кашгарские владения. Военный губернатор Семиреченской области генерал-майор Колпаковский потребовал от правительства Йэттишара выдачи Османа и Койчи и возврата уведенных ими пленных. Бандиты с награбленным добром были пойманы, и Розлин и Келдыбек немедленно отправлены в Верный. Пользуясь этим случаем, Якуб-бек послал Колпаковскому письмо: "По возвращении моего посланца Муллы Шади и выслушивания от него ответа отношения наши должны еще более упрочиться и тогда выдать Вам Османа не составит для меня дела большой важности" /17, оп. 8, д. 14, л. 26-27/.

Приехавший в Кашгар по поручению Колпаковского капитан Рейнталь подтвердил стремление России иметь дружественные отношения с Йэттишаром и развивать обоюдовыгодные торговые связи /392/.

Надеясь, что торговля послужит первой фразой русско-йэттишарского диалога, Якуб-бек с нарочитым вниманием отнесся к появлению в Кашгаре первых русских купцов. Им был отведен лучший караван-сарай в городе, вокруг их товаров был создан искусственный ажиотаж, "сам Якуб-бек купил у них много разных вещей и заплатил золотом" /17, оп. 8, д. 14, л. 17/. Однако далее торговых отношений Россия идти не хотела. Якуб-бека же это не устраивало. Ему нужно было добиться признания Йэттишара на международной арене. Своей цели он попытался достигнуть, сыграв на противоречиях между Россией и Англией. Путем заигрывания то с одной, то с другой он надеялся принудить одну из них к союзу с Кашгаром.

В самом конце 1868 г. его приближенный Шади Мирза отправился с дипломатической миссией к вице-королю Индии, имея целью установить контакты не только с англичанами, но и с Турцией.

Британские власти решили воспользоваться удобным случаем. После визита Шади Мирзы в декабре 1868 г. из Индии в Кашгар прибыл первый из англичан - Р. Ша. Хотя он был неофициальным лицом и приехал в Йэттишар как торговец, за три месяца его пребывания в Кашгаре Якуб-бек трижды принял его и имел с ним дружественные беседы /378, с. 215/. В Петербурге ревниво следили за каждым шагом миссии Ша. Это нашло отражение в русской прессе, в которой регулярно освещались действия англичан в Восточном Туркестане /395; 396; 402/.

Газета "Русский инвалид" писала о встречах правителя Йэттишара с Р. Ша: "Во всех. . . свиданиях Якуб-бек высказывал сильное желание быть с англичанами на дружеской ноге. . ."; "Некоторые услуги, - приводила газета слова главы Йэттишара, - я могу оказать вам (т. е. англичанам. - Д. И.) по вашему желанию, и вы должны сделать то же самое для меня. Приходите! . . .сообщите. . . обо мне на родине, когда туда возвратитесь" /399, 1870, № 59/.

Отвечая на предложение Р. Ша о налаживании торговых связей между британской Индией и Йэттишаром, Якуб-бек сказал, что последующие распоряжения его будут согласны с его "обязанностью поддерживать подобные сношения" /399, 1870, №59/.

Миссия Р. Ша закончилась лишь договоренностью о взаимной торговле[2]. Внимание Лондона в это время было привлечено к Афганистану, в котором складывалась неблагоприятная для англичан ситуация[3] /399, 1879, № 59/, и Турции, где султан Абдул-Азиз проводил политику, направленную на объединение мусульманских стран под эгидой Турции против царской России. Кроме того, прежде чем приступить к распространению своего влияния в Восточном Туркестане, английское правительство решило изучить Йэттишар с политической, экономической и стратегической точек зрения.

В феврале 1869 г. в Кашгарию был направлен Г. У. Хейвард, специалист-топограф. В задачу его входило обследование пути, ведущего из Пенджаба в Лех, а оттуда в Кашгар и Яркенд, а также изучение климата и водных ресурсов Кашгарского округа /131, с. 39/. Встречался он и с Якуб-беком, который выразил желание "видеть англичан в Йэттишаре почаще" /399, 1870, № 60/. Доклад о результатах путешествия Хейварда был заслушан на заседании Лондонского географического общества. Его президент Роулинсон сообщил о соглашении, заключенном британским колониальным правительством Индии с кашмирским магараджей, относительно отправки в Кашмир английских офицеров для наблюдения за дорогами, ведущими к йэттишарской границе, и об обсуждении с Якуб-беком вопросов, касающихся "дорог, лежащих в его владениях" /399, 1870, № 60/. Позднее пути, ведущие из Кашмира и Бадахшана в Кашгар, изучал топограф английской Большой тригонометрической службы под псевдонимом Мирза (см. /129, с. 175/).

Одновременно, желая обезопасить себя со стороны России, Лондон предпринял ряд дипломатических мер. В октябре 1869 г. в Петербург прибыл британский посланник Д. Форсайт, которому было поручено добиться от России согласия на создание нейтральной зоны, включающей Афганистан и Восточный Туркестан.

Позднее, на заседании Лондонского географического общества, президент его, передавая слова Форсайта, отмечал, что "Россия не только не завидует торговому проникновению" Англии в Йэттишар, но и вообще не собирается вмешиваться в дела

Восточного Туркестана, "пока Якуб-бек ограничивается владением страны к югу от Тянь-Шаня" /399, 1879, № 60/.

Из доклада государственного канцлера А. М. Горчакова императору о результатах встречи Форсайта с директором Азиатского департамента П. Н. Стремоуховым можно понять соображения, которыми руководствовалась Россия в своей осторожной политике по восточнотуркестанскому вопросу: "Россия не имеет никаких завоевательных намерений в отношении Кашгара и желает развивать с ним дружеские торговые и соседские отношения, но признать его (Якуб-бека. – Д. И.) не может, во-первых, из-за неуверенности в прочности его власти, во-вторых, потому, что он не признан Китаем" /17, л. 78–79/.

В депеше А. М. Горчакова министру иностранных дел Великобритании лорду Гренвиллю сообщалось, что царское правительство не возражает против создания нейтральной зоны, включающей Бадахшан и Вахан, чем косвенно признавалось отсутствие политических интересов России в Афганистане и Восточном Туркестане /333, с. 88–89/.

Завершив свою миссию в Петербурге, в 1870 г. Форсайт был послан с "дружественным визитом" в Йэттишар /401, 1871, № 214–215/. Целью его было, по словам одного из приближенных Якуб-бека, Мирзы Ахмета[4], учреждение в Кашгаре английского консульства /166, с. 101/. Но, несмотря на все старания, Форсайт не добился успеха. Причин этому называлось несколько: излишняя медлительность вице-короля Индии, отправившего миссию со значительным опозданием; трудности пути, задержавшие Форсайта, кратковременность пребывания в Кашгаре, в результате чего он не смог дождаться Якуб-бека, бывшего тогда в походе против Урумчинского ханства.

Действительным же основанием неудачи Форсайта было то, что в это время Якуб-бек снова вступил в переговоры с Кауфманом и не хотел заключать соглашений с английским правительством, не дождавшись результата встречи своих дипломатов с генерал-губернатором Туркестанского края /136, с. 15/. По рассказу Мирзы Ахмеда, приближенного кашгарского правителя, пребывание Форсайта, занимавшегося сбором сведений экономического характера, "надоело Якуб-беку и ему насилу удалось выпроводить его" из Йэттишара /166, с. 101/.

Новый тур русско-йэттишарских переговоров показал прежнее стремление России договориться об условиях торговли, а Якуб-бека – добиться официального признания Йэттишара, что дало бы ему возможность: во-первых, сосредоточить военные силы против цинских войск; во-вторых, купить у России оружие и боеприпасы; в-третьих, просить у России разрешение на въезд в Йэттишар добровольцев из Туркестанского края и Семиречья, которые пожелали бы воевать против маньчжуро-китайских захватчиков вместе с уйгурским народом-единоверцем /217, с. 40/.

Но и на этот раз переговоры не привели к желаемым для Якуб-бека результатам, вследствие чего кашгарский правитель вновь предпринял ряд враждебных России действий.

В январе 1870 г. караван купца Кузнецова, прибывший в Кашгар с чаем, был задержан. Купца держали под арестом до тех пор, пока он не согласился распродать свой товар по дешевой цене /17, оп. 8, д. 14, л. 118, 130/. Вскоре до русских властей дошли сведения, "что Якуб-бек замышляет овладеть Илийской провинцией" (см. /17, оп. 8, д. 14, л. 118/). Этот слух вызвал крайнюю озабоченность царского правительства. Командованию Западносибирского военного округа было предписано принять самые решительные меры для пресечения возможных попыток экспансии Йэттишара. В Петербурге стали открыто рассуждать о том, что пора отказаться от политики невмешательства во внутренние дела Йэттишара и Илийского ханства. Действительный статский советник, барон Остен-Сакен, предлагал "поставить себя в решительное и откровенное положение по отношению к китайскому правительству. . . огородить Кульджу от Якуб-бека" /17, л. 10, 12/. Сходные мысли высказывали директор Азиатского департамента П. Н. Стремоухов и военный министр Д. А. Милютин[5] (см. /217, с. 40-41/).

Русские власти не без основания опасались захвата Йэттишаром Таранчинского султаната. Подавляющую часть населения обоих ханств составляли уйгуры. Общность культуры, традиций, религии, экономические связи[6] делали их разделение чисто искусственным. Это побуждало более сильного правителя Йэттишара добиваться включения Илийского султаната в состав своих владений.

В апреле 1871 г. командующий Западносибирским военным округом доносил Главному штабу о том, что до него дошли слухи о взятии отрядами Якуб-бека поселений Данчжоу, Кокачие, Даюрень, Бугунгур, подчинении монгольских племен в районе Улясутая и даже о занятии Кобдо.

В марте и апреле 1871 г. в Петербурге были созваны специальные совещания, определившие дальнейшие позиции России по восточнотуркестанскому вопросу. "Безначалие и неурядицы, царствующие в течение семи лет в Западном Китае, – говорилось в документах совещаний, – вредно отражающиеся на наших пограничных окраинах и совершенно прекратившие некогда успешную торговлю Западной Сибири и Семиречья с этим краем, побудили Правительство наше неотлагательно приступить к более действенным мерам для прекращения и предупреждения на будущее время такого невыгодного для нас положения" /17, оп. 8, д. 14, л. 37/. Наилучшим средством к "восстановлению прежнего спокойствия в сопредельных с Россией китайских провинциях" Петербург посчитал "восстановление прежних (т. е. цинских. – *Д. И.*) порядков" /17, оп. 8, д. 14, л. 37/. Действуя согласно вышеуказанным соображениям, царское правительство

решило временно ввести в Илийский край свои войска, причем, желая избежать столкновения с кашгарским правителем, ограничилось занятием Кульджи (см. /17, оп. 8, д. 14, л. 4–243/).

Пекин, с которым были проведены предварительные консультации, не возражал против подобной акции, поскольку Петербург дал твердое обещание по выполнении маньчжурским двором двух условий[7] вывести русскую армию из пределов Синьцзяна.

22 июня 1871 г. Кульджа – столица Таранчинского султаната – была занята. Появление в Илийском крае русских воинских сил обеспокоило Якуб-бека. С большим отрядом он спешно направился в Аксу и стал готовиться там к обороне /17, оп. 8, д. 14, л. 45/. Но русские войска далее пределов Илийского края не пошли. Тем не менее Якуб-бек, встревоженный положением на северных границах своего государства, предпринял попытку отвлечь внимание России от Восточного Туркестана. Связавшись с кокандским Худояр-ханом, он стал настоятельно советовать ему разорвать с Россией торговые отношения /17, оп. 8, д. 14, л. 52/ и в военном альянсе с Йэттишаром покончить с "русской властью в Средней Азии". Доказывая Худояр-хану необходимость войны с Россией, Якуб-бек ссылался на "бедственное" положение мусульман, страдающих под гнетом "неверных".

"Жители здешних (т. е. восточнотуркестанских. – *Д.И.*) городов, – писал он в Коканд, – испытав долгое время гнет под управлением кяфиров (немусульман. – *Д.И.*), возненавидели иноверцев и вследствие безумия разгорелась вражда и происходили убийства; таких безумных людей очень много в народе, как Вам самим известно. Когда к нам приезжал купец Хлудов, то... мусульмане, увидев в нем иноверца, из ненависти стали бросать в него камни... я их унял и придавил своею силою... Но это повредило моему доброму имени между мусульманами" /17, оп. 8, д. 14, л. 52/.

Утверждения о подобной недоброжелательности уйгуров к русским не соответствовали действительности[8], но Якуб-бек намеревался с их помощью рассорить Коканд и Россию. С целью большего воздействия на Худояр-хана он возобновил с Кокандом и Бухарой тесные торговые связи /17, л. 47/. Однако Худояр-хан, опасавшийся осложнений с царским правительством, передал провокационное письмо Якуб-бека генерал-губернатору Туркестанского края. Ориентация Якуб-бека на Англию, несомненно, усиливала английское влияние в районе, примыкавшем к границам Российской империи. Русско-йэттишарские отношения нуждались в улучшении. Отвергнув путь военного воздействия, Петербург выбрал язык дипломатии. В 1872 г. Кауфман направил в Кашгар посольство во главе с полковником Каульбарсом, которому было поручено заключить торговый договор и отвлечь таким образом Якуб-бека от попыток сближения с Кокандом и Англией /263, с. 214/.

Посольство было принято Якуб-беком. В результате переговоров был заключен торговый договор (см. прил. III), предоставлявший равные права русским коммерсантам в городах Йэттишара и кашгарским купцам в пределах Российской империи. В частности, русским торговцам было разрешено иметь на территории Йэттишара караван-сарай и своих агентов. Якуб-бек обязывался "строго наблюдать за безопасностью русских подданных, находящихся внутри пределов его владений с их караванами и вообще всем имуществом" /233, с. 49/. Желая развить успех, в 1873 г. Якуб-бек отправил в Петербург своего приближенного Тураб-ходжу, которому было поручено добиться в России признания Йэттишара и обсудить вопрос об установлении русско-кашгарской пограничной линии. Пребывание Тураб-ходжи в Петербурге продолжалось 83 дня, с 11 июня по 2 сентября. Первый раз Александр II принял Тураб-ходжу 23 июля в Красном селе. Император выразил свое удовольствие установлением торговых отношений между двумя государствами и высказал надежду, что эти отношения будут развиваться и впредь. "Впоследствии при встречах на маневрах и парадах государь-император изволил несколько раз милостиво разговаривать с Муллою Тарабом" /24, л. 193/.

Тем не менее петербургская встреча 1873 г. закончилась ничем. Царское правительство отказалось признать Йэттишар и обсуждать вопрос о границах[9]. С этих пор внешняя политика Якуб-бека окончательно приобрела английскую ориентацию.

В 1873 г. его представитель Саид Якуб-хан посетил вице-короля Индии, с которым вел переговоры о признании Йэттишара и закупке оружия, после чего оправился в Турцию, где от имени Якуб-бека признал турецкого султана халифом - верховным правителем всех мусульманских народов /382, с. 325/. В благодарность султан "наградил" Якуб-бека титулом эмира Кашгара. В том же 1873 г. власти Йэттишара начали чеканить золотые и медные монеты с изображением турецкого султана Абдул-Азиза (см. /173, с. 1-5/). Политическая миссия Саид Якуб-хана сопровождалась деловыми встречами с английскими и турецкими коммерсантами, у которых он закупал для йэттишарской армии современное оружие (скорострельные ружья, пушки) /233, с. 171/.

Визит в Индию кашгарского представителя содействовал активизации англо-йэттишарских отношений. Перед Лондоном открылась реальная возможность усиления своих позиций в Восточном Туркестане. Стремясь завоевать доверие Якуб-бека, колониальные власти Индии вынудили махараджу Кашмира снизить пошлины на ввозимые из Йэттишара товары с 30 до 5%. Следующим шагом в укреплении взаимных связей было заключение в 1874 г. торгового договора между двумя странами. Английские купцы получили право иметь своих торговых представителей во всех городах Восточного Туркестана. Такие же права в британской Ин-

дии получали кашгарские купцы. Но важнейшим пунктом данного договора было признание Якуб-бека суверенным, законным главой государства, т. е. юридическое признание Йэттишара /136, с. 15/. Что касается англо-кашгарской торговли, то британские власти прекрасно сознавали ее бесперспективность в тогдашних условиях /378, с. 202/[10]. Причина этого заключалась и в трудностях сообщения между странами по малодоступным горам Тибета и в том, что британские товары не выдерживали конкуренции с русскими[11].

Таким образом, торговый договор и содержавшееся в нем признание Йэттишара служили прикрытием, с помощью которого Англия намеревалась превратить Восточный Туркестан в плацдарм для дальнейшего проникновения в Центральную и Среднюю Азию в ущерб интересам царской России. "Синьцзян и Средняя Азия. . . – по мнению Н. А. Халфина, – интересовали англичан из соображений борьбы против России. . . из стремлений к политическому преобладанию" /325, с. 34/. Вот почему британский представитель Форсайт, прибывший в Кашгар для заключения договора, привез с собой 400 ружей английского производства для продажи Якуб-беку и немедленно отправил членов своей миссии по всей стране для сбора сведений военно-экономического характера /333, с. 126/. Вскоре британское правительство официально разрешило частным фирмам поставлять в Кашгар оружие. После визита Форсайта в Йэттишар прибыл полковник Гаднер с 20 тыс. мушкетов. В 1875 г. английское правительство взяло на себя расходы по отправке в Восточный Туркестан двухсот ящиков револьверов, предназначенных для отправки в Яркенд. По меткому выражению тогдашнего сотрудника русского посольства в Константинополе, "ост-индские власти мечтали превратить Кашгар в английский арсенал для вооружения войск Якуб-бека против русских" /333, с. 128/. Оружие поступало в Йэттишар не только из Индии, но и находящегося под английским протекторатом Афганистана. В 1874 г. оттуда было доставлено в Кашгар 400 ящиков боеприпасов, 30 пушек и около 10 тыс. ружей и недостающий комплект для оружейных мастерских. Тогда же в Йэттишар прибыли 200 афганцев: военных инструкторов и мастеров по изготовлению оружия /25, л. 9/. Бухарец Абдырасул Абдыгаффаров, посетивший Кашгар летом 1875 г., упоминал еще о шести англичанах, которые "делают на 5–6 заводах ружья и орудия, плохие пистоны", и 10 турках, "которые, проживая в Янгишаре, обучают войска Якуб-бека" /26, с. 546/. В 1878 г. после падения Йэттишара один из турецких инструкторов, бежавший на контролируемую Россией территорию, показал, что первая группа военных специалистов в составе 6 человек была приглашена Якуб-беком еще в 1869 г. /25, д. 518, л. 16/, вторая группа из 4 человек, по свидетельству военного губернатора Семиречинской области, прибыла в Кашгар в 1874 г. с миссией Форсайта /26, л. 130/.

Общий объем военной помощи, оказанной Якуб-беку Англией и Турцией, назвать невозможно. Все ранее приведенные данные о количестве закупленного вооружения, иностранных инструкторах в Йэттишаре, оружейных мастерских основаны на опросных сведениях очевидцев. Так, А. Н. Куропаткин, побывавший в Кашгаре в октябре 1876 г.[12], приводит иные цифры. По его наблюдениям, более половины ружей в войсках Якуб-бека были старые, фитильные; современных скорострельных ружей насчитывалось 4 тыс., остальные ружья - 8 тыс. - были эндфильские нарезные, заграничные охотничьи, а также курковые нарезные и гладкоствольные местного производства /233, с. 169/.

Так или иначе, военная помощь Йэттишару оказывалась, и самое большое участие в ней приняла Англия. Помогая Якуб-беку, она надеялась сохранить там свои позиции, которые неминуемо пострадали, если б кашгарский правитель попал под влияние России или власть в Синьцзяне вновь перешла бы в руки Цинов. Контроль над Восточным Туркестаном предоставлял Лондону дополнительные возможности для проникновения в Среднюю Азию в ущерб интересам России. Однако в силу ряда причин (главной из которых была опасность столкнуться с противодействием России, Германии и Франции) Англия не осмелилась на прямое военное вмешательство в дела Синьцзяна. Это нашло отражение и в факте "признания Йэттишара" только в торговом договоре (1874 г.), и в полуофициальном характере поддержки Кашгара, оказываемой при посредничестве колониальных властей Индии.

Не могла послужить Якуб-беку опорой и далекая, ослабленная к тому времени феодальная Турция. Титул эмира, присвоенный ему султаном Абдул-Азизом, и несколько присланных офицеров - вот и вся помощь, которой удостоил Якуб-бека "повелитель правоверных".

Коканд, на который опирался Якуб-бек в начале своего правления, в то время уже находился на грани потери независимости. В 1876 г. это ханство вошло в состав России.

Политика русского правительства, не пожелавшего нарушать положения договоров, заключенных с Пекином, окончательно лишила Якуб-бека возможности обеспечить Йэттишару действенную международную поддержку.

Меж тем положение Йэттишара осложнялось[13]. Начатые еще в 1871 г. карательные операции Цинов в северо-восточной Джунгарии к 1877 г. распространились и на территорию Кашгарии. Для захвата Восточного Туркестана комиссар по военным делам в Синьцзяне генерал Цзо Цзунтан собрал огромную армию. Она насчитывала 90 тыс. солдат и офицеров, 60% которых были вооружены европейским оружием. Ежегодно на содержание карательных сил маньчжурский двор затрачивал 9 млн. лянов серебра, в результате чего их боеспособность была поставлена на довольно высокий уровень /190, с. 38/. Якуб-бек

же в 1876 г. имел в своем распоряжении всего 35 тыс. солдат регулярной армии и 10 тыс. ополченцев /233, с. 205/. По мнению А. Н. Куропаткина, эти 45 тыс. человек составляли максимум сил, "которыми мог располагать Якуб-бек для поддержания внутреннего спокойствия в своем обширном государстве, для охранения границ со стороны русских владений и для борьбы против китайцев" /233, с. 206/.

В августе 1876 г. Лондон сделал последнюю попытку оставить Якуб-бека у власти и тем самым сохранить свои позиции в Восточном Туркестане. Английские дипломаты принялись всячески убеждать высших сановников в Пекине в том, что покорение Йэттишара – дело непосильное для ослабшей империи, связанное с чрезмерными расходами. Одновременно они предложили русскому правительству признать суверенитет Йэттишара /385, с. 374/ и, когда это предложение было отклонено, обратились в Петербург с предложением о признании Йэттишара нейтральным государством, что также было отвергнуто /297, с. 263; 264, с. 214–215/.

Столкнувшись с настойчивым противодействием России и Пекина, английское правительство резко изменило политический курс. Британская буржуазная пресса заговорила о сближении и "союзе" с цинским правительством против царской России /264, с. 217/. Вслед за этим в 1877 г. Гонконг-Шанхайский банк предоставил маньчжурскому правительству заем[14] (1.608.274 ф. ст.) для финансирования армии Цзо Цзунтана /388, с. 138/. Позже английский консул в Кашгаре Скрайн называл Якуб-бека кокандским ставленником, авантюристом, организовавшим "восстание против китайцев" /289, с. 42/. Йэттишар оказался в изоляции, один на один с превосходящими силами Цинов. Развязка неумолимо приближалась.

Завоевав Джунгарию, карательная армия Цзо Цзунтана подошла к границам Кашгарии. Якуб-бек рассредоточил свои войска по крепостям вдоль восточной границы: в январе 1877 г. линия фронта проходила через города и крепости Диванчи (900 солдат и 2 пушки), Тогсун (около 4 тыс. солдат и 5 пушек), Куня-Турфан (около 5 тыс. солдат, 10 тыс. ополченцев и 20 пушек), Карашар, Шаг-тал и Уртанч-таулг /233, с. 204–205/. В январе того же года Якуб-бек лично прибыл в Курлю с 3-тысячным отрядом кавалеристов.

Положение армии Якуб-бека было бедственным. Не хватало продовольствия, боеприпасов, теплой одежды. "Большая часть (войск. – Д. И.), – писал очевидец событий А. Н. Куропаткин, – стояла в палатках из маты при морозах до 20°, не имела достаточно теплой одежды и почти не имела топлива. . . Дух войск. . . не мог считаться благоприятным для ведения упорной борьбы. . . Злоупотребления при наборах (насильственная вербовка), невыдача положенного содержания, лишения, которые

приходилось переносить войскам на передовой линии, присутствие массы андижанцев (кокандцев. – *Д. И.*), готовых после первых неудач Якуб-бека покинуть его и вернуться на родину с нажитым в Кашгарии добром, наконец, борьба с китайцами, исход которой почти для всех казался сомнительным, все эти причины вызвали в рядах войск Якуб-бека сильное дезертирство, усиливавшееся с каждым днем" /233, с. 207–208/. Участились и случаи предательства. До февраля 1877 г. к китайцам перешли до 400 человек из числа приближенных Якуб-бека /233, с. 151/. Среди них – Ашир-ахун, казначей кашгарского правителя, бежавший к врагу вместе с казной; Камиль-хан, брат Саид Якуб-хана, представителя Йэттишара в Константинополе, Садык-бек, бывший при китайцах хаким-беком кальпинским, и др. Часто изменники совершали подрывные акции, ослаблявшие обороноспособность Йэттишара. Так, зимой 1877 г. в урочище Сиапур близ Тогсуна был сожжен склад продовольственных запасов. Огонь уничтожил около 80 тыс. чариков муки и 17 тыс. чариков крупы /233, с. 151/.

Предательство военачальников сеяло неуверенность среди солдат. Кроме того, в армии и ополчении возникли сомнения относительно преданности самого Якуб-бека, который беспрепятственно уступил врагу Джунгарию и несколько раз посылал своих дипломатов в Пекин и к Цзо Цзунтану, стремясь предотвратить дальнейшее наступление карательных сил. Зимой того же 1877 г. продвижение маньчжуро-китайских войск в глубь Восточного Туркестана было временно приостановлено в связи с демаршем Англии, предложившей свое посредничество.

В апреле 1877 г. цинские войска во главе с Лю Цзиньтаном, Чжан И и Сюй Чжанху возобновили военные действия. Цинская армия двинулась на Кашгарию по двум направлениям: через перевал Диванчи, где очень быстро была взята защищавшая горный проход одноименная крепость, которую удерживал гарнизон повстанцев во главе с Хайдаром-кули, и через Куня-Турфан, хаким которого немедленно оставил город и отступил к Тогсуну. Последний оборонял 10-тысячный отряд младшего сына Якуб-бека Хак Кули-бек. Однако очень скоро тот, опасаясь быть окруженным, отступил к Карашару.

После взятия Диванчи Лю Цзиньтан прибег к традиционному китайскому методу борьбы с врагами: "жарить мясо в собственном жире", т. е. бороться с противником его же руками. С этой целью, отобрав из пленных тысячу восточнотуркестанцев, он дал им денег и отпустил, внушив, что Цины "воюют только против андижанцев. . . что в преданности китайскому правительству жителей Йэттишара он не сомневается и что в скором времени постарается освободить их от притеснений Якуб-бека" /233, с. 210–211/.

Опасаясь, что слух об освобождении пленных ослабит волю повстанцев к борьбе, Хак Кули-бек, по приказу своего отца,

обезглавил в Карашаре часть прибывших туда диванчинцев, оставшиеся в живых бежали обратно к карателям. Столь жестокая мера отвернула от Якуб-бека симпатии населения и сыграла на руку его противникам.

В это крайне напряженное для государства время 17 мая 1877 г. в своей летней резиденции (Курле) Якуб-бек скончался[15]. После его смерти среди претендентов на престол вспыхнула междоусобица, что намного облегчило карательные операции маньчжуро-китайских войск. По приказу старшего сына Якуб-бека был убит Хак Кули-бек (66, с. 28; 166, с. 102). Правитель Аксу Хаким-хан-тюря и хаким Хотана Нияз-бек не признали Бек Кули-бека. В августе последний двинул свой отряд на Аксу и в местности Чул-кудук разбил ополчение аксуского правителя, в октябре 1877 г. он нанес сокрушительное поражение Нияз-беку /233, с. 213-214/. Воспользовавшись междоусобицей, Пекин активизировал военные действия. 24 сентября 1877 г. маньчжуро-китайские войска овладели Курлей, 25 сентября - Карашаром, в ноябре - Кучей, Сайрамом и Баем, после чего двинулись на Аксу /17, оп. 8, д. 12, л. 244; 233, с. 214/. Уйгурские войска, находившиеся в Яркенде (4 тыс.), были направлены Бек Кули-беком навстречу маньчжуро-китайским карателям в Маралбаши, но по дороге часть солдат разбежалась, а часть отступила в Кашгар. 26 октября цинские войска заняли Уч-Турфан. В это время в столице Йэттишара восстали и заперлись в Янгишаре "новые мусульмане". 24 ноября Бек Кули-бек прибыл в Кашгар. Его солдаты окружили крепость, но не смогли ее взять. В это время цинские войска, захватившие Аксу, уже направлялись в Кашгар /186, с. 39/. Малочисленный и плохо вооруженный кашгарский гарнизон, 4 декабря выступивший навстречу карателям, был рассеян у селения Файзабад. Бек Кули-бек и его приближенные посчитали дело проигранным и бежали на территорию России, в Фергану и к Нарыну. С ними ушло много местных жителей. 17 декабря 1877 г. китайские войска во главе с Сюй Хуэнем подступили к Кашгару. Сопротивление защитников столицы было сломлено, город пал[16].

В последующие месяцы были взяты остальные города и крепости. Восточный Туркестан вновь оказался под властью Цинов. Однако еще долгое время страну сотрясали антиманьчжурские выступления. В 1879 г., например, восставшие хотанцы перебили маньчжуро-китайский гарнизон. Прибывший в город карательный отряд "не мог наказать хотанцев за умерщвление гарнизона" из-за боязни вызвать новое восстание /17, оп. 8, д. 12, л. 252/. В течение двух лет (1878-1880) вели партизанскую войну с маньчжурами жители горных местностей западной части Кашгарии. В конце концов отряды повстанцев, разбитые войсками Лю Цзиньтана, ушли на территорию России.

x x
x

Независимое уйгурское государство пало под ударами цинской армии, просуществовав 11 лет. На вновь покоренной территории захватчики установили жестокий оккупационный режим. Десятки тысяч уйгуров были истреблены, около 90 тыс. жителей Восточного Туркестана бежали в Казахстан и Среднюю Азию /266, с. 47/.

Данные, приведенные в работе, позволяют сделать некоторые выводы о причинах гибели Йэттишара. К главнейшим из них относится общая экономическая слабость уйгурского государства, не позволившая Якуб-беку создать армию, численность и вооружение которой были бы достаточными, чтобы оказать сопротивление маньчжуро-китайским войскам. Кроме того, как справедливо подчеркивает ряд исследователей, Якуб-бек почти не вел с карателями активных боевых действий и, желая достигнуть с Цинами мирного соглашения, ограничивался оборонительной тактикой. Ослабляло обороноспособность страны и отсутствие единства между уйгурами, дунганами, киргизами и выходцами из кокандского ханства, национальная рознь, разжигаемая предводителями национальных групп. Немаловажную роль в падении Йэттишара сыграли факторы внешнего порядка, основными из которых являлись изолированность Йэттишара, непризнание его Россией и значительный перевес сил Цинской империи, организовавшей и направившей для захвата Восточного Туркестана огромную карательную армию.

Тем не менее в историю национально-освободительных движений в Синьцзяне борьба уйгурского и других неханьских народов 60-70-х годов XIX в. вошла как важнейшее событие. Провозглашение и недолгое существование Йэттишара оставило заметный след в самосознании уйгуров, не прекративших борьбу с маньчжуро-китайскими колонизаторами. Не случайно нынешние великоханьские шовинисты, проводящие политику насильственной ассимиляции населения края, активно стараются фальсифицировать и вытравить из памяти восточнотуркестанских народов их героическое прошлое.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Автор относит к Восточному Туркестану Джунгарию (Илийский, Тарбагатайский, Урумчинский, Алтайский и Куркарасуйский округи) и Кашгарию (Кашгарский, Янги-Гиссарский, Яркендский, Хотанский, Аксуский, Уч-Турфанский, Кучинский, Карашарский, Турфанский и Хамийский округи) вместе взятые. Подобный подход основывается на высказываниях ряда русских и уйгурских авторов (см. /295; 355, с. 3–21; 357, с. 19–78; .362; 367, с. 10–62; 371; 404/). Так, крупнейший востоковед, академик В. В. Бартольд в свое время писал: "По этнографическим соображениям под этим названием (имеется в виду Восточный Туркестан. – *Д.И.*) можно объединить все страны от Хотана на юге до Чугучака на севере, от Кашгара на западе до Хами на востоке" /143, с. 519/. Этого же мнения придерживались глава Восточно-Туркестанской республики (созданной в 1944 г. в результате освобождения от гоминьдановцев Илийского, Тарбагатайского и Алтайского округов и просуществовавшей до 1949 г.) А. Касими /364/, а также бывший заместитель главнокомандующего вооруженными силами Восточно-Туркестанской республики З. Т. Теипов /115; с. 296/ и известный уйгуровед Т. Р. Рахимов /278; 279/. В противовес этой точке зрения некоторые исследователи считают, что в состав Восточного Туркестана входит только территория Кашгарии (см. /232; 337/).

[2] Центр его – г. Куча (см. /183, с. 323; 259, с. 271, 287, 292/), а не Кучар, как пишет А. Ходжаев (см. /336, с. 107, и др./).

[3] В этих донесениях встречается много неточностей, поскольку их авторы часто черпали информацию из случайных источников: от перебежчиков, торговцев, кочевников, пленных. Были случаи, когда туркестанцы давали русским пограничным властям заведомо неправильные показания (см. /17, д. 14, л. 21/).

[4] Сюда же можно отнести отчеты и .утевые записки И. Каменского /49/, Г. Кэри /55/, С. Альферакн /27/, С. Меча /58/, П. Пясецкого /80/, Ю. Сосновского /88/, Н. Н. Пантусова /65–68/ и др.

[5] Материал "Синих книг" использовался Г. А. Хидоятовым в его монографии "Из истории англо-русских отношений" /333/, Н. Б. Байковой в кандидатской диссертации "Англо-кашгарский торговый договор 1874 года" /136/.

[6] К фактам, сообщенным английской прессой, следует относиться осторожно. Для оправдания своей корыстной политики в Азии английские правящие круги искажали в печати события в свою пользу.

[7] После оккупации в 1759 г. Кашгарии и Джунгарии (т. е. Восточного Туркестана) маньчжуро-китайские захватчики назвали присоединенные земли Синьцзяном (Новой территорией).

[8] Все использованные нами рукописи конца XIX – начала XX в., касающиеся вопросов национально-освободительной борьбы уйгуров и создания Йэттишара, хранятся в Отделе рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

[9] Написана по следам событий 60–70-х годов прошлого века. Состоит из введения, двух дастанов (повествований) и заключения. Во вве-

дении описаны отдельные моменты истории Восточного Туркестана с середины X до середины X1X в. В первом дастане освещаются восстания в Куче, Турфане, Хами, Аксу, Хотане, Уч-Турфане, Кашгаре и вопрос об установлении в Куче власти ходжей. Второй дастан содержит историю правления Якуб-бека и описание некоторых моментов внутренней политики Йэттишара. В заключении приводятся сведения о городах Восточного Туркестана и священных местах.

[10] О Мусе Сайрами (полное его имя Мулла Муса-бин Мулла Айса Сайрами) известно, что он учился в Куче, в медресе у муллы Осман-ахуна. В начальный период антицинского восстания находился в Сайраме, где и присоединился к кучинскому отряду во главе с Бурхан-ад-дином, направлявшемуся через Сайрам в Аксу. После разгрома кучинцев превосходящими силами аксуского правителя Саид-бека, назначенного на этот пост цинскими властями еще до начала восстания, бежал в селение Юлдуз-баг. Слухи о новом походе кучинских ходжей и захвате ими 17 июля 1864 г. Аксу и Уч-Турфана заставили его покинуть убежище. Вскоре он появился в отвоеванном у Цинов Уч-Турфане. Протекция товарища по медресе - сына Бурхан-ад-дина - позволила Мусе Сайрами получить чиновничью должность в аппарате новой уйгурской администрации: он исполнял обязанности имама мечети, заведовал казенными продовольственными амбарами /306, с. 165-166/. Впоследствии, во время правления Якуб-бека, служил мирзой (писарем) у зякетчи (правителя) района Маралбаши - Аксу Баба-бека /106, с. 502/.

[11] Время написания - октябрь (ноябрь) 1909 г. Рукопись представляет собой сборник рассказов о событиях 1864 г. в Турфане.

[12] Написана в 1871-1872 гг.

[13] Написана в 1890 г. Состоит из 12 глав.

[14] Написана в 1894 г. Охватывает события, происшедшие в Восточном Туркестане с 1864 по 1894 г.

[15] Отзывы и рецензии на нее /194, с. 252; 306, с. 157-159/.

[16] Сочинение написано в 1907-1908 гг. в Кашгаре. Содержит сведения о кашгарских событиях 1856-1878 гг.

[17] Написан в самом конце X1X в. Посвящен истории Кашгара с 1863 по 1877 г.

[18] Написана не ранее 1882 г., так как повествует о переселении илийских уйгур в Семиречье, начавшееся после 1881 г. Состоит из пяти глав.

[19] Повествует о восстании 1864 г., которое привело к освобождению хотанского округа от маньчжуров и созданию в нем теократического ханства Хабибуллах-ходжи. Можно предположить, что дастан написан до 1866 г., т. е. до похода на Хотан кашгарских войск, который в нем не упомянут. Дастан был записан в 1955 г. в Хотане на основании рассказов местных сказителей писателем С. Сетишевым. В 1973 г. С. Сетишев любезно передал запись дастана автору этой книги.

[20] Написана в 1886-1887 гг. Повествует о событиях в Чугучаке и других городах Восточного Туркестана в 1864-1876 гг.

[21] Издана в 1881 г. Повествует об илийских событиях 1864-1871 гг.

[22] Историческая поэма. Написана в 1866 г. в Уч-Турфане. Повествует о кучинских и других событиях 1864 г. Единственное сочинение Шакира, известное востоковедам.

[23] Бурхан Шахиди - бывший председатель правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, в годы "культурной революции"

был репрессирован. В данном произведении неоднократно цитируется рукопись Мусы Сайрами "Тарих-и Хамиди" ("История Хамиди"), в которой описываются события 60-80-х годов XIX в. По мнению Б. Шахиди, у которого хранится рукопись, "Тарих-и Хамиди" была написана в 1908 г. /372, с. 9/.

[24] В нем рассказывается о национально-освободительных войнах уйгурского народа против маньчжуро-китайских завоевателей.

[25] В книге содержится много фактов о походе Якуб-бека в Карашар в 1870 г.

[26] Книга посвящена событиям, происходившим в Илийском крае в 1864-1871 гг.

[27] Оно началось в пров. Шэньси в 1862 г. как выражение протеста против национального гнета.

[28] Элютами и торгоутами в русских источниках назывались некоторые монгольские племена и потомки джунгаров, которые в 1677 г. были поселены Цинами в долине Орхона.

Глава 1

[1] Для сравнения укажем, что годичное жалованье маньчжурского или китайского чиновника низшего разряда составляло 31,5 ляна серебра и 2880 цзиней зерна, цаньцзань дачэня - 1 тыс. лянов и 4680 цзиней, цзянцзюня - 3 тыс. лянов и 9 тыс. цзиней, рядового солдата-пехотинца - 12 лянов основного довольствия, 4,4 ляна надбавки и 352 цзиня зерна.

[2] На этом продукте повседневного потребления китайские торговцы наживали крупные барыши. Покупая в Ганьсу партию чая за 1,2 ляна, в Кашгарии они продавали ее за 10 лянов /232, с. 104/.

[3] Велась она с казахами, Кокандом, в меньших размерах - с Россией и Англией.

[4] Подобная партия была, например, отправлена в Пекин в 1765 г. после подавления восстания в Уч-Турфане. Одна из девушек, Ипархан, отличалась не только красотой, но и мужеством: она лично участвовала в восстании, возглавляя повстанческий отряд. Красота и доблесть девушки прельстили маньчжурского императора, но Ипархан отвергла все его домогательства и умерла в заточении. В Пекинском историческом музее есть портрет этой героини. Казахский поэт С. Муханов, посетив музей в 1958 г., написал об Ипархан поэму /257, с. 226-230/.

Легендой овеяно имя другой уйгурской героини - красавицы Нозугум. Она была взята в плен после подавления восстания Джахангира в 1828 г. Цзянцзюнь захотел сделать ее своей наложницей. Однако, убив ночью охранявших ее солдат, Нозугум бежала. Шесть месяцев она скрывалась в горах, после поимки ее публично казнили.

Нозугум писала стихи и музыку. В уйгурском народе до сих пор бытуют ее песни. Вдохновленный образом бесстрашной героини, современный композитор К. К. Кужамьяров сочинил оперу "Нозугум".

[5] Хаким-беки приравнивались к чиновникам третьего класса, ишик-ага-беки - четвертого класса, казначи-беки - пятого класса.

[6] Наиболее известны восстание 1765 г., восстание Джахангира (1825-1827) и "бунт семи ходжей" (1847).

[7] В 60-х годах XIX в. только в Кашгаре, Яркенде, Хотане и Аксу находились маньчжуро-китайские войска общей численностью около 40 тыс. человек (см. /233, с. 105/).

[8] А. Ходжаев, ссылаясь на китайские рукописи, датирует начало кучинского восстания 4 июня 1864 г. /337, с. 26/. Наша датировка базируется на сведениях уйгурских авторов /105, с. 45; 111, с. 45/.

[9] Есть даже дунганская легенда, излагающая содержание этого приказа (см. /341, с. 79-80/).

[10] До провозглашения Рашидин-ходжи ханом правителем Кучи был Шахияр-халфа. Предшественник последнего, Ахмед-ван-бек, хаким-бек Кашгара, был казнен повстанцами за отказ стать их "вождем и предводителем" (см. /105, с. 45; 117, с. 6а; 154, с. 288-302/).

[11] В Аксу, по данным М. Шакира, повстанцам противостоял цинский гарнизон (2600 человек) и ополченцы хаким-бека этого города Саид-бека (400 человек). На помощь им были присланы 400 ополченцев из Кашгара, 400 маньчжуро-китайских солдат из Хотана и 700 - из Яркенда /107, с. 316-317/.

[12] Садык-бек - предводитель крупного киргизского отряда, ранее служивший Цинам.

[13] Английский миссионер Беллью ошибочно датирует начало яркендского восстания 9 августа 1863 г. /125, с. 203/. По свидетельству индийского астронома Хамида, покинувшего Яркенд в конце марта 1864 г. (27 марта он проводил астрономические наблюдения последний раз), в городе еще господствовали цинские власти /130, с. 47/.

[14] Претендовали на власть в Яркенде Джамал-ад-дин-ходжа, житель Яркенда Мирза-джан, кашмирец Музаффар-хан (см. /105, с. 67-68/).

[15] В "Тарих-и Аминийа" приведены сведения, доказывающие, что в середине июля 1864 г. Хотан еще контролировался цинской администрацией /105, с. 56, 168-169/.

[16] Вначале попытку свергнуть власть хотанского падишаха сделал кучинец Мираб-ходжа, прибывший к Хотану с отрядом в 500 человек (см. /108, с. 13-14/). Затем был раскрыт заговор, возглавлявшийся пятисотниками Ибн-Янином и Щербет-даром, которые хотели объявить ханом Заркарь-ишана из Зава-Кургана (город, расположенный недалеко от Хотана) /108, с. 15/. После этого хотанцам пришлось отражать нападение 30-тысячного кучинского войска, двигавшегося со стороны Яркенда (см. /108, с. 16/).

[17] В "Тарих-и Аминийа" сообщается, что, освободив Турфан, Исхак-ходжа направил на помощь урумчинцам 5-тысячный отряд во главе с Беха-ад-дином. После взятия цитадели Урумчи кучинцы участвовали в освобождении Манаса, Кутуби, Цзямусы, Гучэна, а затем вернулись в Турфан /105, с. 104-105/. Данные сведения подтверждаются материалами китайских источников (см. /118, цз. 80, л. 6, цз. 88, л. 5-6/).

[18] Цзяньцзюнь обещал участникам восстания амнистию, возвращение им отобранного маньчжурами имущества, признание независимости уйгуров.

[19] Этой победе предшествовала жестокая борьба феодалов. Так, по наущению высших духовных лиц - Мазамзата, Шавкат-ахун-ходжи, Ягур-ахун Ахметхан-ходжи и Махмуд-почи-ходжи были убиты Абдурасул-бек, его соратник Исхан-бек и зять Ахметхан-газиначи /357, с. 32-36, 70-71/. Мазамзат впоследствии сам стал жертвой интриг. Ханствовавший 36 дней после Мазамзата Махмуд-почи-ходжа был казнен повстанцами, раскрывшими заговор ходжей. После воцарения Алахан-тюри Шавкат-ахун-ходжа с сообщниками неоднократно пытался свергнуть первого с престола.

[20] Население Таранчинского султаната насчитывало около 118 тыс. человек, в том числе 52 тыс. уйгуров, 34 тыс. казахов, 4 тыс. дунган, 3 тыс. китайцев, 14 тыс. калмыков, 7,5 тыс. солонов, 2 тыс. сибо, 2 тыс. узбеков /321, с. 121/.

[21] Движение проходило под лозунгом борьбы "против неверных".

Глава 2

[1] Ч. Ч. Валиханов свидетельствует, что предок Садык-бека Аким за услуги, оказанные Цинам при подавлении восстания в Кашгарии в 1758 г., был назначен правителем города Ташмалик /157, с. 341/.

[2] Так, хакимом селения Кизилбой он назначил Гаффар-бека, который сидел при Цинах в тюрьме, начальником кашгарского оплечения (бахадирлар-баши) – брата Гаффар-бека Аюп-бека, начальником водно-оросительной системы (кур-баши) – уйгурского феодала Палту-бека, также подвергавшегося преследованиям маньчжуро-китайской администрации, начальником палачей (джаллатлар-башни)– Азиз-бека и т. д. /117, с. 54б, 55а, 66б, 66а/.

[3] Об этом же свидетельствует рукопись Ходжи Юсуфа /117, с. 66б-67а/ и другие материалы /340, с. 47/. По мнению русского представителя в Кашгаре Н. Петровского, киргизы и кипчаки всегда принимали деятельное участие во всех событиях, войнах и смутах в Фергане и Кашгарии и враждебно относились к оседлому населению /73, с. 5/.

[4] Об этом сообщают Ходжа-Юсуф /117, с. 74а/ и Муса Сайрами, по словам которого, Садык-бек писал Алим-Кулу: "Я, ваш покорный слуга, хотел бы подчинить Кашгар Коканду" /105, с. 136/. Однако встречающееся в литературе утверждение, будто Садык-бек просил прислать именно Бузрук-ходжу (см. /233, с. 132/), вызывает сомнение, как не подкрепленное материалами источников.

[5] Показательно, что Валихан-тюря, двоюродный брат Бузрук-ходжи, в 1857 г. при взятии Кашгара воспользовался именем последнего, чтобы завоевать расположение населения (см. /157, с. 381, 386, 498, 662/).

[6] Якуб-бек родился в 1820 г. в местности Капа, близ Пскента (Р. Ша неправильно называет местом его рождения Пишгек /129, с. 45/) в Ташкентской области, в семье бедного муллы Мухаммеда Латифа (по другим сведениям имя отца Якуб-бека – Исмет-улла /233, с. 132/). Национальность Якуб-бека неизвестна: по одним данным, он таджик /378, с. 78; 372, с. 6/, по другим, – сарт /166, с. 74/, т. е. узбек. Рано потеряв родителей, Якуб-бек вынужден был долгие годы работать прислужником в чайхане. В 1845 г. он был зачислен в войско ташкентского бека Азиза джигитом, т.е. кавалеристом. Как раз в это время дядя Якуб-бека по матери кази (судья) Пскента Низам-ад-дин был назначен кази Ташкента. Под его влиянием хаким этого города Нар-Мухаммед женился на сестре Якуб-бека. Родственные отношения с высокопоставленными лицами облегчили Якуб-беку продвижение по служебной лестнице. В 1845 г. он выполнял обязанности махрама (камердинера) во дворце кокандского Худояр-хана, затем стал пядх-баши (пятидесятником), юз-баши (сотником) и, наконец, пансатом (пятисотником). В 1846 г. Якуб-бек сделался беком Чиназа и Аулие-Аты. В 1847 г., будучи уже беком крепости Ак-мечеть, Якуб-бек женился на кипчачке (подробнее о кипчаках см. /157, с. 20, 107, 133, 134, 199/) Зиелик, от которой имел четырех сыновей: Бек Кули-бека, Хак Кули-бека, Хулай Кули-бека, Хайдар-бека. В Ак-мечети Якуб-бек получил звание кушбеги (высшая чиновничья должность в среднеазиатских ханствах XIX в.,

соответствует генерал-губернатору в России). В апреле 1852 г. Нар-Мухаммед отозвал его в Ташкент и назначил батыр-баши (военачальником). Вскоре Худояр-хан доверил ему пост смотрителя посольского дома, а потом назначил беком Ходжента. Занимая этот пост, Якуб-бек вместе с рядом других беков организовал неудачный заговор против Худояр-хана. Заговорщики были схвачены, но Якуб-беку удалось бежать в Бухару. В 1863 г. предводитель кокандских кипчаков Алим-Кул сверг Худояр-хана, объявив ханом его малолетнего брата Саид-бека. Узнав об этом, Якуб-бек явился в ставку Алим-Кула в Фергане. Последний отправил его в Кашгар в составе свиты Бузрук-ходжи /105, с. 136/.

[7] В Кашгар прибыли комендант Ташкента Бик-Мугаммед, ташкентский бек Мирза Ахмед-кушбеги, двоюродный брат Бузрук-ходжи Каттатюря и др.

[8] Тайфур – фитильное ружье, длиною около сажени.

[9] Другое название – Баурчук /378, с. 121/.

[10] Об этом свидетельствуют материалы, собранные по свежим следам А. Н. Куропаткиным в Кашгаре /233, с. 140/.

[11] Дадхох – чиновничья должность в среднеазиатских ханствах. В обязанности дадхоха входила передача правителю жалоб пострадавших и объявление решения эмира (или хана) по рассматриваемому делу /290, с. 384/.

[12] Самым священным местом Хотана считалась могила имама Джафар-Садыка, потомка Святого Али.

[13] Утверждение Мусы Сайрами, будто на помощь Хотану из шести других городов округа направлялись по 15 тыс. человек и что в борьбе с кашгарцами погибло 400 тыс. хотанцев, представляется преувеличенным, поскольку все население округа составляло 250 тыс., а Хотана – 40 тыс. человек /385, с. 369/.

[14] О характере Якуб-бека до нас дошло немало сведений. Один из его приближенных – Мирза Ахмед – отличительной чертой правителя Йэттишара считал хитрость /166, с. 102/. Другой – Залман-бек – писал, что "Якуб-бек был человек умный, деятельный, с удивительной памятью, но вместе с тем хитрый и лукавый. Жил очень просто, без всяких претензий, довольствовался малым, по временам бывал добр и приветлив со всеми. В сутки отдыхал только около четырех часов, остальное время был занят" /233, с. 202/. Р. Ша сравнивал Якуб-бека со скифскими и татарскими вождями, государства которых существовали только благодаря их выдающимся качествам и распадались после их смерти /129, с. 77/. Г. Хейвард "был поражен характером и дарованиями" Якуб-бека и полагал, что "если бы Центральная Азия была совершенно свободна от всякого внешнего давления, то Якуб-бек сделался бы вторым Чингиз-ханом" /399, 1870, № 40/. По мнению Мусы Сайрами, период правления Якуб-бека был временем расцвета культуры и экономики Кашгарии. Якуб-бек всячески содействовал развитию торговли, ремесла, "способствовал процветанию" государства /105, с. 165/.

Ходжа Юсуф, автор "Джам-ат-таварих", называл Якуб-бека "Великим аталыком гази" ("Великим покровителем мусульманской религии"), а о правлении его писал: "Справедливо разбирал жалобы вдов и бедных. . . Совершавших насилия и притеснения серкеров и диван-бегов заслуженно наказывал, устанавливая справедливость" /117, с. 108б/.

В уйгурском фольклоре XIX в. немалое место занимают поэтические сказания о Якуб-беке и событиях его времени. Среди них есть следующее четверостишие:

Якуб-бек был справедливый,
Народ его благоденствовал.
Теперь откуда найдется
Столь могущественный /правитель/,
как Якуб-бек? /67, с. 31/.

15 Йэттишар в переводе на русский означает "Семиградье"; имеются в виду города Кашгар, Янги-Гиссар, Хотан, Аксу, Яркенд, Куча и Курля – центры одноименных округов, образовавших территорию государства. Название "Йэттишар" вместо бытовавшего ранее в литературе названия "Джетышар" было принято по предложению Т. Р. Рахимова на Ученом совете ИВ АН СССР.

16 Территория Синьцзяна составляет 1710 тыс. кв. км /153, с.9/; территория Илийского края – около 50 тыс. кв. км./177, с. 920/. Установить точно площадь контролировавшихся маньчжуро-китайскими войсками районов не представляется возможным.

17 Подробно о титулах Якуб-бека см. работы М. А. Терентьева /299, с. 136/, Н. И. Веселовского /166, с. 100/, Беллью /33, с. 229/.

18 По свидетельству Ч. Ч. Валиханова, в 1858 г. в Хан-арыке было до 2 тыс. домов, в Таш-Малике – 500 домов /157, с. 342/.

19 Раис – чиновник, следивший за тем, чтобы население соблюдало нравственные законы ислама.

20 Шариат – свод мусульманских религиозных, уголовных и гражданских законов и обычаев.

21 О низших чиновниках Йэттишара см. работы А. Н. Куропаткина /233, с. 34-35/, Беллью /33, с. 121-122, 183, 185-186, 246, 250-251/.

22 Ханская (или царская) земля (см. /372, с. 11/).

23 Ни в одном из известных нам источников и литературе не содержится сведений о размерах земельного надела, находившегося в распоряжении лично свободного дехканина. По свидетельству английского исследователя Д. Боулджера, средняя норма налога с земли дехканина-землевладельца составляла "около фунта (т. е. 4,55 кг. – *Д.И.*) с участка, засеваемого 20 фунтами (т. е. почти 91 кг. – *Д.И.*) пшеницы" /378, с. 161/. Это указание дает основание предположить, что средний участок земли, которым владел свободный дехканин, составлял примерно половину гектара.

24 В садах разводились тутовые деревья, джигда и чилян; выращивались яблони, груши, персиковые, сливовые, абрикосовые, айвовые, гранатовые и фиговые деревья, вишни и грецкий орех.

25 В огородах выращивали репу, лук, чеснок, морковь, редьку, свеклу, огурцы, перец, пряные травы и картофель; на бахчах – различные сорта дынь, арбузов, тыкв.

26 Из числа технических растений выращивали еще кунжут, марену и табак.

27 Танап – мера площади. В литературе нет единого мнения о его размере. По данным Ч. Ч. Валиханова, он равен 0,375 десятины /157, с. 372/, Э. Н. Наджиба – 0,25 га /369, с. 285/, Д. Боулджера – 47 кв. ярдам.

[1] В 1831 г. кокандские войска подчинили себе киргизов, проживавших на р. Нарын, и вплотную подошли к границам Восточного Туркестана. Вскоре Кокандское ханство добилось от Цинов права собирать торговые пошлины с иностранных товаров в Кашгаре, Яркенде, Хотане, Аксу, Янги-Гиссаре и Уч-Турфане и держать там своих торговых агентов – аксакалов, которым в административном отношении должны были подчиняться все иностранные торговцы, прибывавшие в названные выше города. Коканд в свою очередь брал на себя обязательство держать кашгарских ходжей под строгим наблюдением и пресекать их попытки подстрекать население к борьбе с Пекином /157, с. 325/. Однако роль защитников цинских интересов отнюдь не устраивала кокандских правителей, поскольку народные движения в Восточном Туркестане, ослаблявшие там власть маньчжуро-китайских захватчиков, одновременно усиливали позиции Коканда.

[2] Для развития торговли с Восточным Туркестаном ост-индское правительство начало переговоры с магараджей Кашмира. В результате была достигнута договоренность, по которой все товары, идущие через Ладак, были освобождены от транзитных пошлин. В тех же целях трудный путь через Каракурумские горы предполагалось заменить на маршрут, пролегавший по долине Чанчемло или по высокогорной Рудокской равнине, лежащей далее на восток, а неудобный проход Санджу через Куэньлун – на перевал Янги; в таком случае потребовалось бы только у начала подъема на перевал устроить укрепление для защиты караванов от разбойников /399, с. 59/.

[3] Позднее, в 1873 г., защитнику английских интересов в Афганистане Шир Али-хану была оказана финансовая поддержка и военная помощь: он получил пять лакхов рупий и 15 тыс. современных ружей /333, с. 111/.

[4] Рассказ Мирзы Ахмета был записан в конце 80-х годов XIX в. ташкентским судьей И. М. Оранским по просьбе Н. И. Веселовского.

[5] Слухи о стремлении Якуб-бека напасть на Россию вызвали сомнения К. П. Кауфмана, который тогда же (1870 г.) писал: "Якуб-бек, завязавший, было, дружественные отношения с Англией, предпочел в нынешнем году русское покровительство английским деньгам" /21, л. 309/.

[6] А. В. Каульбарс, оценивая йэттишаро-илийские торговые отношения, писал: "До занятия Кульджи русскими войсками самая значительная торговля (Таранчинского султаната. – *Д. И.*) проходила с родственным Кульдже Йэттишаром" /397, с. 115/. Илийские купцы вывозили в Кашгар скот, кошмы, а кашгарские в Кульджу – шерстяные ткани, предметы одежды (халаты, сапоги), кожи, седла и т. д.

[7] Вот условия, предварявшие вывод царских войск: 1) подтвержденная действиями способность Пекина собственными силами поддерживать порядок в Илийском крае; 2) амнистия всем уйгурам-повстанцам.

[8] Так, приказчик купца Хлудова (в которого, по словам Якуб-бека, уйгуры кидали камни) в донесении русским властям писал о притеснениях, чинимых русскому каравану чиновниками Якуб-бека, но ни слова не упоминал о камнях и толпах народа. Даже англичане вынуждены были признать, что в Йэттишаре к русским относятся с симпатией, купцы русские вежливы с местным населением, товары их всегда лучшего качества /17, оп. 8, д. 14, л. 34–40/.

[9] Позицию, которую заняла Россия в отношении Йэттишара во время петербургской встречи 1873 г., хорошо отражает ответ Кауфмана министерству иностранных дел: его, т. е. Тураб-ходжу, "надо вразумить, что границы с кашгарскими властями установлены трактатом с маньчжурским правительством. . . На чем основано мнение посланника, что со стороны Нарынского края границей служила р. Нарын, – я не знаю и ни в коем случае принять это не могу" /24, л. 195/. Ссылаясь на "трактат", Кауфман имел в виду Пекинский договор от 1860 г., установивший *между Россией и Китаем границу "от маяка Шабин-Дабага на юго-запад до озера Зайсана и оттуда до гор южнее озера Иссык-Куль. . .* и по ним до Кокандских владений" /253, с. 103/.

[10] Торговля между Кашмиром (Индия) и Яркендом (Восточный Туркестан) по своему объему, пишет Н. Б. Байкова, была ничтожна: "В 1871 г., когда при помощи ухищрений. . . англо-индийскому правительству удалось увеличить эту торговлю в семь раз, весь годовой оборот по ней составил 124,177 ф. ст. – при общем годовом обороте по внешней торговле Индии в среднем в 40–45 млн. ф. ст. Таким образом, обычные обороты по восточно-туркестанской торговле не превышали 15–17 тыс. ф. ст. в год, или в процентном отношении ко всему обороту внешней торговли колебались в пределах от 0,03 до 0,08%" /136, с. 4–5/.

[11] Британские промышленные товары с трудом пробивали себе дорогу в Восточном Туркестане вследствие их дороговизны и плохого качества. Доверенный русского торгового дома Быковского в Кашгаре В. Никитин писал: "В кашгарском базаре только и слышишь, что разговоры про ситцы (речь идет об английских ситцах. – *Д.И.*), всякий ругает и заказывает своему сродственнику. . . чтобы никогда не брали эдакий ситец ни по каким ценам и чтобы брали русский ситец, он не линюч и дешев" /25, л. 9/. "Из русских товаров более ценились: медные подсвечники, железные котлы, грубые бумажные набивные ткани оригинальных рисунков", указывал другой очевидец /33, с. 285/. В русских архивных материалах есть указание на то, что "Бадаулет (Якуб-бек. – *Д. И.*) и народ. . . гораздо более сочувствуют русским, и предпочтительно покупают наши товары, к англичанам же они менее расположены, чем к русским" /17, оп. 8, д. 14, 22/.

[12] В 1876 г. А. Н. Куропаткин возглавил русскую миссию, посетившую Йэттишар. Миссия пробыла в Кашгарии 6 месяцев и "имела выгодные условия относительно сбора сведений о военных силах и средствах Бадаулета (т. е. Якуб-бека. – *Д. И.*)" /233, с. 162/.

[13] 1875 г. в Йэттишаре был неурожайным, засушливым (см. /25, л. 15/). В ноябре 1876 г. в Куня-Турфанском округе случился голод, вынудивший Якуб-бека оттянуть к Курле и даже к Куче для прекращения волнений с цинско-йэттишарского фронта значительные контингенты войск /233, с. 206–207/.

[14] Всего в 1877–1878 гг. английские банки в Шанхае предоставили Цинам на содержание армии Цзо Цзунтана займы на общую сумму 11,5 млн. лянов серебра, что составляло почти половину всех затрат Пекина на карательные операции в Синьцзяне (см. /337, с. 79/).

[15] О смерти Якуб-бека в источниках приводятся самые противоречивые сведения. По одним данным, он умер своей смертью, по другим – был отравлен хакимом Хотана Нияз-беком.

[16] По свидетельству кашгарских торговцев и должностных лиц, карателя "после взятия г. Кашгара, учинили суд и надругались над трупом

Якуб-бека. Главнокомандующий во главе войск отправился к его могиле и при стрельбе из ружей взял штурмом надгробный памятник, который маньчжуро-китайские войска разрушили до основания. Затем вынули труп, который оказался весьма хорошо сохранившимся, посадили его, и судебный чиновник произвел допрос, причем упрекал Якуб-бека в вероломстве, неповиновении Сыну Неба, крамоле и т. д. После того палач отрубил от трупа голову, труп сожгли, а голову повесили на продолжительное время у главных ворот кашгарской крепости" /166, с. 103/.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ИЭТТИШАРА*

Округи основные:	Входившие в них города и селения
Кашгарский	г. Кашгар; крупные селения: Упал, Хан-Арык, Муш, Ташмалык, Сарман, Тогузак, Курган, Тазгун, Кара-кыр, Биш-карам, Ават, Кизил-буй, Яндама, Шапталы, Ак-яр, Аргун, Ярмасан, Астин-яндама, Бай-токай, Хош-ават, Файзабад, Купсангир, Таш-балык, Тупрак, Карабаг, Паррач, Буйра-китай, Научук, Давлет-баг, Артуш, Япчан, Янгабад, Устун-артуш, Астын-артуш.
Янги-Гиссарский	г. Янги-Гиссар; крупные селения: Ханка, Ситма, Сайгун, Хазрет-бегим, Урдом, Падшах, Салип, Караваш (верхний) и Сургет (нижний), Кальпин, Туплак, Гол, Кизил, Игильяр.
Яркендский	г. Яркенд; селения: Мог, Ак-рабат, Кок-рабат, Якирак-Курган, Кизил-Тау, Терек-лянгар, Лайлак, Зилах, Мекут, Ала-Айгур, Посгам, Якшамба.
Хотанский	г. Хотан; селения: Як-лянгар, Янги-арык, Кара-каш, Гума, Керия, Черчен.
Аксуский	г. Аксу; селения: Кум-баш, Сай-арык, Биш-арык, Чук-Тал, Чилян, Чарбаг, Тумшук, Игарчи, Асук, Балдан, Джам, Абдали-кавунуш, Талдады /Тазлянгар/, Сугет, Кум-Там, Ишланчи**, Яка-кудук.
Кучинский	г. Куча и Шаяр; селения: Кара-каш, Кара-юлгун, Кончи-махаля, Таг-арык, Бостан, Пайлю, Той-болды, Сулейман, Тогус-там, Ходжа-Камбар, Давлет-баг, Сарык-Туграк, Шихлари, Кок-гумбат, Шамал-баг, Мазар-баг, Учар, Мазар-ходжа, Шургут, Яка-арык, Сакачи, Узгун, Тагичи, Кириш, Куш-там; укрепления: Даван, Джурга.
Байский	Крупные селения городского типа Бай, Сайрам; селения: Куштам, Даванчик, Чаркчи, Кара-баг, Яка-арык, Мирза-там, Ун-баши, Джигдали, Янга-бад, Ут-баши, Азган, Юкагыр-балыкчи, Игарчи, Янги-Лянгар, Канчи, Ак-уйли, Чуджа-балыкчи, Арал, Тогтосун, Буган, Чиган, Кизил.
Курлинский	г. Курля и г. Карашар; селения: Бугур, Янгигиссар, Янги-абад; Таш-арык, Яйги, Чимбаг, Арал, Аласай***, Каргалык, Тахты, Баг-джида, Малу, Булун, Кудук, Тала-булак, Аксарай, Дурбин, Кошарык, Турба, Сайлык, Сай-баг****, Данзил, Чарчи, Ишма.

* Данный список составлен на основе уйгурских, русских и других источников, литературы и карт Восточного Туркестана второй половины XIX в.

** Шесть последних носили общее название Яр-баши.

*** Четыре последних расположены в районе Бугура.

**** Пять последних расположены вблизи Курли.

Уч-Турфанский	г. Уч-Турфан: укрепления: Урта-Курган, Ходжа-Буга; селения; Агича-кул, Караул-тепе, Арга-булак, Гурдэке, Уйтола, Отбаши, Кара-ходжа, Янгисар, Джигдалик, Тогсун, Тагин, Яхай, Каргалы, Ибрай, Баш-Агма, Кара-булак.
Турфанский	Города Турфан и Пычан; крупные селения: Тогсун, Лукчун, Сенглим, Чжам-хота, Кумыш, Кара-Кизил, Игерчи, Ушак-тал, Чиктим.
Урумчинский	Города Урумчи и Гучэн; селения: Фукань, Сантай, Локлон, Гуньнань, Чангы.
Манасский	Города Манас и Шихо; селения: Тюш-капка, Тугурик.

Второстепенные округи

Маралбашинский	селения: Маралбаши, Чар-баг, Тумшук, Чадыр-куль, Псяк-сынды, Янги-абат, Яка-кудук, Мазар-алды, Шапталы; укрепления: Тюш-капка, Тугурик.
Кальпинский	селения: Кальпи, Калты-айлак, Баш-сагун, Аяк-сагун, Аркала, Кыр-булак, Каргил, Джай-тюпе, Джигда, Уй-булак, Тигарек, Акчи, Куюк-токай.
Улугчатский	крепости: Улугчат, Янгишар, Машран, Уксалыр, Мын-юл, Кызыл; селения: Иркештам, Егин, Награ-Чалды, Ак-лянгар, Кургашинкан; укрепления: Кан-джуган, Гулча.
Каргалыкский	селения: Каргалык, Каш-лянгар, Чулак-лянгар, Гум.
Таш-Курганский	селения: Таш-Курган, Тагарма, Балгун, Балдур, Тарваши, Баш-рабат, Хайзак, Баг, Хушераб, Арпалык, Кинкол, Актала, Киз-Кия.

II

НАЛОГОВЫЕ СБОРЫ В ЙЭТТИШАРЕ*

Округ, селение	Число дворов	Размеры налогов					
		харадж		зякет		танапный сбор	
		чарики	кг	тяньга	руб.	тяньга	руб.
Кашгарский округ	28 000	90 000	8 064 000	–	–	–	–
Файзабад	200–500	60 000	537 600	–	–	–	–
Шапталы	600	22 000	197 120	–	–	–	–
Янгабад	70–100	400	3 584	–	–	–	–
Биш-карам . . .	–	–	–	–	–	100 000	10 000
Ават	–	–	–	–	–	32 000	3 200
Тогузак	–	–	–	–	–	64 000	6 400
Курган	–	–	–	–	–	16 000	1 600
Кизилбой	–	–	–	–	–	90 000	9 000
Научук	–	–	–	–	–	25 000[xx]	2 500[xx]
Давлетбаг . . .	–	–	–	–	–	18 000	1 800

Продолжение табл.

Округ, селение	Число дворов	Размеры налогов					
		харадж		зякет		танапный сбор	
		чарики	кг	тянына	руб.	тянына	руб.
Независимые кенты							
Хан-арык	–	220000	1971200	118000[xx]	11800[xx]	–	–
Тазгун	10000	90000	806400	88000[xx]	8800[xx]	–	–
Артуш	10000	83000	753680	40000[xx]	4000[xx]	–	–
Таш-малик	–	64000	573440	40000[xx]	4000[xx]	–	–
Аргу	300	48000	430090	–	–	–	–
Упал	–	80000	716800	–	–	–	–
Маралбаши	3000	40000	35840	–	–	–	–
Кальпинский округ	3000	14000	12544	25000	2500	20000	2000
Аксуский округ	30000	1500000–2000000	13440000–17920000	60000	6000	100000	10000

Байский округ	1 190	80 000	716 800	45 000 50 000	4 500 5 000	46 000 30 000	4 600 3 000
Сайрам	–	30 000	268 800	14 000	1 400	–	–
Кучинский округ	–	250 000	2 240 000	150 000	15 000	70 000	7 000
Курлинский округ	–	200 000	1 792 000	150 000	15 000	120 000	12 000
Бугур	2 000	40 000	358 400	25 000	2 500	20 000	2 000
Курля	–	85 000	761 600	45 000– 48 000	4 500– 4 800	65 000	6 500
Янги-Гиссар с окрестностями . . .	2 000	42 000	–	60 000	6 000	18 000– 21 000	2 100 1 800
Чарчи	22	1 500	13 440	–	–	600	60
Дурбин	300	12 000	107 520	–	–	6 000	600

* /233, с. 23–41; 384, с. 361–364/.

** Танап и вакет.

III

СВЕДЕНИЯ О ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЙЭТТИШАРОМ В 1876 г.*

1

Экспорт из России в Йэттишар

А

Через Ош в Кашгар

Товар	Стоимость (оценка), руб.
Ситец, адрас** и тюбетейки	30 480
Хлопок	2 120
Красильный корень (руян)	4 900
Табак	1 790
Железо	3 124
Сахар	3 180
Олово	900
Перец	1 120
Спички, сера жевательная и чернильные орешки	1 771
Фисташки	295
Ремни	310
Седла	2 120
Шнурки (мишурного изделия)	400
Клей	336
Кораллы искусственные	310
Урюк и кишмиш	200
Итого:	53 356

* /233, с. 328–344/.
** Полушелковая ткань.

Б

Из Иссык-Кульского уезда в Уч-Турфан*

Товар	Объем ввоза	Стоимость (оценка), руб.
Ситец русский	1 954 аршин	2 697
Сахар	48 пудов	940
Кумач красный	1 100 аршин	700
Плис	20 штук	180
Сукно черное	150 аршин	300
Сукно серое	250 "	250
	Итого:	5 067

* Из Иссык-Кульского уезда в Кашгар караванов не отправляли.

2

Экспорт из Йэттишара в Россию

А

Из Кашгара через Ош*

Товар	Стоимость (оценка), руб.
Шелк высшего сорта	25 964
Шелк среднего сорта	25 197
Шелк ниже среднего сорта	1 913
Квасцы	12 864
Кошмы	18 312
Бараньи меха	6 079
Нашатырь	1 855
Ситец	977
Ситцевые платки	3 598

* Наибольшая часть товаров привозилась в октябре, ноябре и декабре месяцах.

Продолжение табл.

Товар	Стоимость (оценка), руб.
Кисея	958
Коленкор	46
Ковры	1644
Чайники	1040
Сера горючая	797
Машруп (полушелковая материя из Хотана)	1358
Наши (гашиш)	2660
Бязь	1689
Ямб (серебро в слитках)	1436
Кожи лошадиные (саур)	1834
Кожи бараньи	1300
Ярмак (китайская медная монета)	1732
Пояса	1170
Китайская материя	114
Сапоги и калоши	230
Чай	3071
Гушна (древесный корень) для окраски шелка	40
Бужугунч (шарики на листьях фисташек)	20
Халаты	20
Итого:	117918

Б

Из Кашгара в Иссык-Кульский уезд*

Товар	Объем вывоза	Стоимость (оценка), руб.
Мата белая	87 600 кусков	31 740
Халаты простые	830 штук	1 630
Халаты армячные	940 "	2 620
Сапоги	400 пар	400
Машруп	830 кусков	1 310
Лисицы	350 штук	525
Камни агата	5 "	500
Меха белые	130 "	910
Мерлушки белые	4 000 "	600
Ковры	46 "	170
Кошмы красные	3 "	6
Вата	16 пудов	96
Кунганы	18 "	36
	Итого:	40 543

* Эти товары проданы в гг. Верном, Кульдже и Иссык-Кульском уезде.

В

Из Турфана в Иссык-Кульский уезд

Товар	Объем вывоза	Стоимость (оценка), руб.
Мата белая	55 400 кусков	19 645
Куржуны	112 штук	84
Ковры	140 "	430
Кунганы	146 "	292
Машруп	424 кусков	348
Меха кашгарские белые	370 штук	1 810
Камни красные	58 "	87
Халаты простые	610 "	915
Сапоги	612 пар	718
Кожи козловые сартовской выделки	80 штук	80
Мерлушки белые	380 штук	56
Кишмиш	110 пудов	330
Простые орехи	18 "	36
Чай простой	2 "	80
	Итого:	25 411

РУССКО-КАШГАРСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОГОВОР
1872 г.*

I. Всем русским подданным, какого бы они ни были вероисповедания, предоставляется право ездить для торговли в Джиты-шар (Йэтти-шар. – *Д.И.*) и во все места и города, подчиняющиеся владетелю Джиты-шара, куда бы они ни пожелали, подобно тому как дозволялось по сие время и будет дозволено и впредь всем жителям Джиты-шара торговать по всей Российской Империи. Почтенный владетель Джиты-шара обязуется строго наблюдать за безопасностью и сохранностью русских подданных, находящихся внутри пределов его владений, с их караванами и всем вообще имуществом.

II. Русским купцам будет дозволено иметь в городах Джиты-шара, если сами пожелают, свои караван-сараи, в которых бы они могли одни складывать свои товары. Тем же правом будут пользоваться джиты-шарские купцы в русских городах.

* Подписан в Кашгаре 15 мая 1872 г. полковником бароном А. В. Каульбарсом и Якуб-беком /233, с. 48–50/.

III. Для наблюдения за правильным ходом торговли и за законным взиманием пошлины, предоставляется русским купцам право иметь, если пожелают, во всех городах Джиты-шара торговых агентов (караван-башей). Право это предоставляется и джиты-шарским купцам в городах Туркестанского края.

IV. Со всех товаров, идущих из русских пределов в Джиты-шар или оттуда в Россию, будет взиматься по два с половиной процента со стоимости товаров, во всяком случае не более чем взимается с мусульман, джиты-шарских подданных.

V. Русским купцам с их караванами предоставляется свободный и безопасный проезд через Джиты-шарские земли в соседние с Джиты-шаром владения, точно так же как и Джиты-шарские караваны пропускаются через Русские земли.

V

РЕЧЬ КАШГАРСКОГО ПОСЛАНЦА МУЛЛА ТУРАБ-ХОДЖИ НА АУДИЕНЦИИ С АЛЕКСАНДРОМ II В КРАСНОМ СЕЛЕ*

Ваше Императорское Высочество!

Я, Мулла Тураб-ходжа, посланник правителя Кашгара Мухаммед Якуб-бека имею от него поручение представиться Вашему Величеству и повергнуть Вам, Государь, почтительное его приветствие. Вследствие соседственных отношений между Россией и Кашгаром заключены уже генералом Кауфманом торговые условия, о которых упоминается в письме моего повелителя, подвергаемом мною на высочайшее воззрение Ваше. Дело это, конечно, послужит к благу народов. Благодарю бога, что я достиг цели своего поручения и буду счастлив, если удостоюсь милостивого внимания Вашего Императорского Высочества.

VI

ПОСЛАНИЕ ЯКУБ-БЕКА АЛЕКСАНДРУ II**

Владетель Мухаммед-Якуб-бек Государю Императору,
15 апреля 1873 г.

Великий и славный государь Император!

Да будет известно Вашему Величеству, что хотя с давних пор и по сей день я одушевлен дружелюбными чувствами к могущественной России и всегда известен был в краях наших действиями по отношению к людям, ей враждебным и недоброжелательным, и желанием возвысить здание наших соседственных отношений выше самого Зат-ель-Имада*** и сделать его прочнее крепостных твердынь: но пока Ваше Императорское Величество не удостоили обратить великодушное внимание на Вашего нижайшего соседа, я не осмеливался вымолвить слова дружбы для того, чтобы привлечь к себе луч солнца (внимания Вашего) и удостоиться капли моря (Вашей благосклонности), а вместе с тем не находил и предлога осуществить мое желание отправить посланника к Вашему могущественному престолу. В прошлом году, в месяце рабиуль-эввел 1289 г.

---

* /24, л. 196/.

** /24, л. 197-198/.

*** Зат-ель-Имад – дворец мифического Шеддада, прославленный своим великолепием.

хиджры, а по греческому календарю 1873 г.* генерал-губернатор Туркестана (туркестанского края. – *Д.И.*) генерал-адъютант фон-Кауфман прислал ко мне своего офицера Каульбарса с письмом, в котором предлагал мне заключить с Россией торговый договор в пяти пунктах для свободного движения наших** торговых людей и наблюдения за их безопасностью у нас, объясняя при этом, что принятием этих пунктов я докажу свою преданность Государю Императору, а непринятие их было бы с моей стороны знаком враждебных чувств к Русскому Государству, и спрашивал, который из этих двух путей я выберу. Так как я никогда не имел в душе неприязни к России, а напротив, одушевлен к ней единодушием и дружелюбием, скрепил своей подписью и печатью пять упомянутых пунктов договора и, упрочив тем основы дружеских между странами наших отношений, отправил вместе с тем и человека моего. Но сей последний возвратился, не имев по тогдашним обстоятельствам возможности предстать пред Высочайшим Престолом Вашим. Ныне для засвидетельствования Вашему Величеству моей приязни и преданности, любви и единодушия отправил я вновь доверенного моего Мулла Тураб-ходжу в качестве посланника к Вашему, Великий Государь, Высочайшему Престолу.

Уповаю, что никакая сила всесокрушающего времени и превратных обстоятельств не разорвет нити пяти пунктов упомянутого договора. Люди, пользующиеся выгодами согласия с могущественной Русской Державой, приобретут себе всеобщую известность и будут служить примером для других. Конечно, Великой Державе приличествует являть великодушие по отношению к малым соседям; малый же сосед, для упрочения своего существования, должен стараться приобрести благорасположение Могущественного Монарха. Возсылаю мольбы свои к Всевышнему Богу, да охраняет он постоянно от зол небесных Вас, Великий Государь Император, Ваше Гос. дарство, Ваш Престол и всех подвластных Вашему Величеству.

Письмо месяца сафара 30 дня 1290 г. хиджры, а по греческому календарю 1874 г.***

VII

ПОСЛАНИЕ АЛЕКСАНДРА II ЯКУБ-БЕКУ****

Государь Император Владетелю Кашгара Якуб-беку
14 августа 1873 г.

Письмо Вашего Высокостепенства было предоставлено мне посланцем Вашим Мулла Тураб-ходжой и Я с удовольствием усмотрел из содержания оного те чувства приязни, которыми Вы одушевлены по отношению ко мне и к России. Старания Ваши содействовать свободному и

---

* Ошибка в подлиннике: месяц раби-уль-эввель 1289 г. хиджры соответствует месяцам апрелю-маю 1872 г.

** Видимо, ошибка: вместо "ваших"

*** Ошибка в подлиннике. 30-й день месяца сафара 1290 г. хиджры соответствует 15 апреля 1873 г.

**** /24, л. 199/.

безопасному движению русской торговли послужат к развитию отношений вполне удовлетворительных. В этом смысле даны мною и Полномочия Туркестанскому Генерал-Губернатору Моему Генерал-Адъютанту фон-Кауфману, к которому Вы можете обращаться по всем делам, касающимся к обоюдной пользе. Желаю Вашему Высокостепенству мира и полного благосостояния. На подлинном собственноручно Его Императорского Величества рукою подписано: "Александр".

VIII

УПРАВЛЯЮЩИЙ МИНИСТЕРСТВОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВЛАДЕТЕЛЮ КАШГАРА, 14 АВГУСТА 1873 г. *

Высокостепенный Бадаулет!

Государю Императору, моему Августейшему Повелителю, благоугодно было, в письме на Ваше имя, изъявить удовольствие, с которым его Величество принял письмо, представленное посланцем Вашим Мулла Тураб-ходжою. Вместе с тем, Государь Император поручил мне, как управляющему Министерством Иностранных Дел Российской Империи, сообщить Вам, что его Величеству было особенно приятно убедиться, как из содержания письма, так и из слов посланца Вашего, что Вы вполне сознаете всю важность и необходимость установления торговых и соседственных отношений к России. Вследствие сего, и в знак расположения к Вам, Государь Император изволил принять подарки Ваши присланные и изъявить Вам свою признательность как за присылку оных, так и в особенности за выражение чувств приязни и добрых намерений Ваших. Нельзя сомневаться в том, что распространение торговых предприятий и содействие всем тем, которые преследуют мирные промышленные цели, послужат лучшим средством к скреплению мира и взаимного доверия. Прочное начало выгодному для обеих сторон порядку вещей положено тем торговым договором, в пяти пунктах, который Вы подписали вместе с Туркестанским Генерал-Губернатором. Генерал-Адъютант фон-Кауфман облечен полным доверием Его Императорского Величества и уполномочен, как Вам известно, для ведения всех дел с соседними странами. А потому, если Вы признаете нужным обратиться к нему по какому-либо делу, то Вы можете быть уверены в том, что каждый вопрос будет обсужден им с полной справедливостью и ответы его будут клониться к достижению обоюдной пользы. Посланец Вашего Высокостепенства, по возвращении в Кашгар, передаст Вам слова Его Императорского Величества, выражающие чувства Высочайшего к Вам расположения, а также сообщит Вам подробности вполне дружеского приема, который ему был сделан. С Муллою Тураб-ходжою отправлены также знаки внимания, оказанные Его Императорским Величеством как Вам, так и двум сыновьям Вашим. . .

* Копия с копии /24, л. 201-202/.

IX

СПИСОК ПОДАРКОВ АЛЕКСАНДРА II ЯКУБ-БЕКУ*

Кашгарскому владетелю:

1. Шуба хорьковая, крытая золотым глазетом, с собольею опушкою.
2. Серебряный чайный сервиз.
3. Серебряный самовар.
4. Двухствольный штуцер (при нем 250 патронов).
5. Револьвер (при нем 100 патронов).
6. Столовые бронзовые часы.
7. Телескоп.
8. Альбом с фотографическими портретами членов Императорской семьи.

Старшему сыну Кашгарского владетеля:

1. Двухствольный штуцер (при нем 250 патронов).
2. Револьвер (при нем 100 патронов).
3. Кинжал с поясом, украшенным эмалью.
4. Золотые карманные часы с цепочкой.
5. Бинокль.
6. Альбом с фотографическими видами г. С. Петербурга.

Младшему сыну Кашгарского владетеля:

1. Двухствольный штуцер (при нем. 250 патронов).
2. Револьвер (при нем 100 патронов).
3. Кинжал с поясом серебряным.
4. Золотые карманные часы с цепочкой.
5. Бинокль.
6. Альбом с фотографическими видами г. Москвы.

Посланцу Кашгарского владетеля Мулле Тураб-ходже:

1. Шуба хорьковая, крытая зеленым бархатом.
2. Двухствольный штуцер (при нем 250 патронов).
3. Револьвер (при нем 100 патронов).
4. Столовые часы.
5. Бинокль.
6. Портфель.

Состоящим при посланце трем сыновьям, каждому:

1. Штуцер (при нем 100 патронов).
2. Серебряные карманные часы с цепочкой.

СПИСОК ПОДАРКОВ ЯКУБ-БЕКА АЛЕКСАНДРУ II**

1. Четыре куска золотой парчи.
2. Две кашмирские шали.
3. Белая мерлушка на две шубы.
4. 8 кусков товара (китайские шелковые материи).
5. 4 шелковых ковра.

---

* /24, л. 205-206/.

** /24, л. 204/.

МЕРЫ ПЛОЩАДИ, ВЕСА, ДЛИНЫ, ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

1 аршин = 71 см.
1 дань = 103,55 л.
1 му = 0,066 га
1 пул = 1/4 коп.
1 сер (сар) = 35 г
1 таш = 8–9 км
1 тянга = 0,1 руб.
1 тилля = 5 коп. (золотом).
1 цзинь = 596,816 г
1 чарик = 8,96 кг
1 шэн = 1,035 л.
1 ямб = 119 руб. (серебром).

БИБЛИОГРАФИЯ

*Работы классиков марксизма-ленинизма**

1. Маркс К. Революция в Китае и в Европе. – Т. 9.
2. Маркс К. Капитал. Т. III. – Т. 25. Ч. 2.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. – Т. 4.
4. Энгельс Ф. Священная война. – Т. 9.
5. Энгельс Ф. Об авторитете. – Т. 18.
6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – Т. 20.
7. Энгельс Ф. *Марксу, 23 мая* /1851 г./. – Т. 21.
8. Энгельс Ф. Вальтеру Боргиусу, 25 января /1894 г./. – Т. 39.
9. Ленин В. И. Китайская война. – Т. 4.
10. Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае. – Т. 21.
11. Ленин В. И. Вопрос о единстве. – Т. 22.
12. Ленин В. И. Духовенство в выборах и выборы с духовенством. – Т. 22.
13. Ленин В. И. Духовенство и политика. – Т. 22.
14. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. – Т. 25.
15. Ленин В. И. Государство и революция. – Т. 33.
16. Ленин В. И. О государстве. – Т. 39.

Источники

На русском языке

17. АВПР, ф. Главный архив, 1–9.
18. АВПР, ф. Китайский стол.
19. ЦГИА КазССР, ф. 21, оп. 315.
20. ЦГИА КазССР, ф. 315.
21. ЦГИА УзССР, ф. архив канцелярии Туркестанского генерал-губернатора.
22. ЦГИА УзССР, ф. Воен. учен. арх.
23. ЦГИА УзССР, ф. Турк. окр. арх., 1870, № 27.
24. ЦГИА УзССР, ф. полковника Серебряникова.
25. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 20, д. 8138.
26. ЦГИА УзССР, ф. 715.
27. Альфераки С. Кульджа и Тянь-Шань. Путевые заметки. СПб., 1891.
28. Аристов Н. О войне Якуб-бека с дунганами в 1870 г. – "Туркестанские ведомости", 1872, № 27, 28.
29. Аристов Н. О настоящем положении мусульманской инсуррекции в Китае. – "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 2, СПб., 1873; "Туркестанские ведомости", 1872, № 27, 28.
30. Аристов Н. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже. – "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 2. СПб., 1873.

* *Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию Сочинений, В. И. Ленина – по Полному собранию сочинений.*

31. Бабков И. Ф. Мои воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912.
32. Беллью. Дунгане с 1845–1869 гг. Из истории Кашгара. – "Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии". Вып. 2. СПб., 1884.
33. Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873–1874 гг. СПб., 1877.
34. Боголюбов А. Война в Азии 1876 г. – "Военный сборник", 1880, № 131.
35. Боголюбов А. Очерки войны в Средней Азии в 1876 г. – "Военный сборник". 1880, № 1.
36. Бонвало. Неведомая Азия. – "Вестник Средней Азии". 1896, № 4.
37. Васильев В. П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими. – "Русский вестник". 1872, № 5.
38. Воспоминания илийского сибинца о дунгано-таранчинском восстании в 1864–1871 гг. в Илийском крае. – ЗВОРАО. Т. 18. 1908.
39. Гедин С. В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг. Т. 1, 2. СПб., 1899.
40. Гедин С. Тарим, Лоб-Нор, Тибет. Путешествие по Азии 1899–1902 гг. СПб., 1904.
41. Гейнс А. К. О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае. – "Военный сборник". 1866, № 8.
42. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.
43. Громбчевский Б. Л. Отчет поручика Громбчевского о поездке в Кашгар и Южную Кашгарию в 1885 г. СПб., 1909.
44. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. Л., 1926.
45. Грумм-Гржимайло Г. Е. Неизведанные страны Средней Азии. Урумчи. – "Русский вестник". 1893, № 4.
46. Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1, 2. СПб., 1896–1907.
47. Зеланд Н. Кашгария и перевалы Тянь-Шаня. – ЗВОРАО. Т. 9. Омск, 1888.
48. Иванов А. Несколько сведений о Кашгаре и о последнем восстании против китайцев. – "Туркестанские ведомости". 1870, № 10; "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 2. СПб., 1873.
49. Каменский И. Турфанский округ. – "Туркестанские ведомости". 1877, № 23.
50. Каразин Н. Н. Из Туркестанской боевой жизни. – "Всемирная иллюстрация". 1872, № 159–162, № 167–169.
51. Каульбарс А. В. Заметки о Кульджинском крае. – "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 3. СПб., 1874.
52. Каульбарс А. Чтение о посольстве в Кашгаре. – "Русский инвалид". 1872, № 246; "Биржа". 1872, № 94.
53. Кауфман К. П. Письмо К. П. Кауфмана к Бек-Кули-беку. – "Протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии". Ташкент, 1917.
54. Краткая биография одного из сипаев Кашгарского бадаулета. – "Туркестанские ведомости". 1875, № 24.

55. Кэри Г. Путешествие Г. Кэри в китайский Туркестан и вдоль северной границы Тибета. – ИВСОРГО. 1888. Т. 19.
56. Лю Циньхан. Записки о взятии Или дунганами. – "Русский вестник". 1872, № 5.
57. Матвеев П. П. Поездка в Западный Китай. Ташкент, 1879.
58. Меч С. Центральная Азия, М., 1886.
59. Мирза Шемси Бухари. О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Казань, 1861.
60. Мирза Шемси Бухари. О походах в Кашгарию Мухаммед Юсуф-ходжи. – "Труды Восточного отделения и Арабского общества". Ч. 8. СПб., 1864.
61. Мушкетов И. В. Туркестан. Географическое и орографическое описание по данным во время путешествия 1874–1880 гг. Т. 1. Пг. 1915.
62. Небольский П. И. Воспоминания Муртаза Файзутдинова. – "Записки Имп. Русского географического общества. Приложение". Т. 10. 1856.
63. Обручев В. А. В дебрях Центральной Азии. М., 1955.
64. Обручев В. А. Центральная Азия. Северный Китай и Тянь-Шань. Отчет о путешествии, совершенном по поручению Императорского русского географического общества в 1892–1894 гг. Т. 1, 2. СПб., 1900–1901.
65. Пантусов Н. Н. Война мусульман против китайцев. Вып. 2, Казань, 1881.
66. Пантусов Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 6. Казань, 1901.
67. Пантусов Н. Н. Образцы Таранчинской народной литературы. – ИОАИЭК. Т. 25. Казань, 1909.
68. Пантусов Н. Н. Таранчинские песни. – "Записки Имп. Русского географического общества по отделу этнографии". Т. 17. Вып. 1. СПб., 1890.
69. Пашино Г. И. Туркестанский край, 1866. Путевые заметки. СПб., 1868.
70. Повцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., 1949.
71. Передача Кульджи китайцам. – "Всемирная иллюстрация". 1882, № 686.
72. Петровский Н. Ф. Краткие сведения о лицах, имевших отношение ко времени кашгарского владетеля Бек-Кули-бека. – "Протоколы заседаний и собраний членов кружка любителей археологии". Ташкент, 1917.
73. Петровский Н. Ф. Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского. 1885. – "Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии". Вып. 22. СПб., 1886.
74. Поярков Ф. В. Последний эпизод Дунганского восстания (1861). – "Степной край". 1894, № 36, 37, 39, 41, 43.
75. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Т. 1. СПб., 1875.
76. Пржевальский Н. М. От Кульджи до Тянь-Шаня и Лоб-Нора. М., 1947.
77. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. М., 1948.
78. Пржевальский Н. М. Современное положение Центральной Азии. М., 1887.

79. Путешествие по Восточному Туркестану. – "Туркестанские ведомости". 1870, № 3.
80. Пясецкий П. Я. Неудачная экспедиция в Китай 1874–1875 гг. СПб., 1881.
81. Пясецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. Т. 1. М., 1882.
82. Рейнталь П. Из путевых записок о Нарыне и Кашгаре. – "Военный сборник". 1870.
83. Рейнталь П. О поездке, сделанной им в Кашгар. – ЗИРГО. 1869.
84. Роборовский В. М., Козлов П. К. Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции В. И. Роборовского и П. К. Козлова. СПб., 1896.
85. Ровинский П. По поводу последних событий в Западном Китае. – "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 2, 1873.
86. Русско-китайские отношения 1689–1916 гг. Официальные документы, М., 1958.
87. Семенов-Тяньшанский П. П. Мемуары. Т. 2. М., 1946.
88. Сосновский Ю. Русская научно-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах. – "Военный сборник". 1876, № 9, 10.
89. Торговое отношение с Кашгаром. – "Туркестанские ведомости". 1872, № 19.
90. Фабиан К. О Кульдже. – "Материалы для статистики Туркестанского края". Вып. 2, СПб., 1873; ЗВОРАО. Т. 18. СПб., 1907.
91. Федченко О. А. От Кашгара до Кила-Пянджа (известие из писем полковника Гордона и гг. Биддольфа и Троттера). – ИИРГО. Т. 11. 1875, № 1.
92. Форсайт Д. Отчет г. Дегласа Форсайта о его вторичном путешествии в Кашгар в 1873 г. – "Голос". 1877, № 69.
93. Форсайт Д. Поездка г. Форсайта в Яркенд. – "Виленский вестник". 1871, № 174–176.
94. Хлудов М. А. От Верного до Кашгара (путевые записки). – "Русские ведомости". 1870, № 189, 193, 194, 215, 217, 219, 229.
95. Шпаковский О. Два документа к истории событий в Средней Азии в 1868 г. – "Средняя Азия", 1896.

На уйгурском языке

96. Абдурахман Гази хожа тогрисидики дастан (Дастан об Абдурахмане Гази ходже).
97. Асирлар садаси (Эхо веков). М. Хамраев, В. Юдин, С. Моллаудов, Й. Мухлисов (сост.) Алма-Ата, 1963.
98. *Ашур Ахун бин Исмаил бин Мухаммед.* Амир-али (Бухарский эмир). ЛО ИВАН, отдел рукописей.
99. Имин Хусайни. Шарки Туркстан тарихи (История Восточного Туркестана).
100. Камиль Ишан-хан. Рисалэ-и Якуби (Трактат о Якуб-беке). – "Историк-марксист". 1940, № 3.
101. Канун-намэ аскяр (Устав рядового солдата). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
102. Кары Курбан Али бин Хамид-ходжа Аягузи. Китаб-и тарих джарида-и-джадида (Книга по новой истории). Казань, 1889.

103. Махмуд-бин Мир-Ахмед шейх Гариби. Тарих-и намэ Якуб-хан (История Якуб-хана). ЛО ИВАН, отдел рукописей.
104. Мулла Билал Юсупов (Назим). Китаб-и газат дар мулки чин (Книга о священной войне мусульман против китайской собственности). Казань, 1881.
105. Мулла Муса-бин Мулла Айса Сайрами. Тарих-и Аминийа (*История, посвященная Амину*). Казань, 1905.
106. Мулла Муса-бин Мулла Айса Сайрами. Тарих-и Амние. – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
107. Мулла Шакир. Зафар намэ (Книга о победах). – Асирлар садиси (Эхо веков). Алма-ата, 1956.
108. Мухаммед Алям. Тарих-и Кашгар (История Кашгара). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
109. Мухаммед Омар Маргинани. Бадаулет намэ (Книга о Бадаулете). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
110. Мухаммед Омар Маргинани. Джанг намэ (Книга о битвах).– ЛО ИВАН, отдел рукописей.
111. Мухаммед Салих Яркенди и Надж-ад-дин. Шеир дар навт хазрет Хан-ходжам падишах (Стихи, восхваляющие Хан-ходжам падишаха). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
112. Мухлисов Й. Кашкар даптири (Кашгарская тетрадь). Алма-Ата, 1976.
113. Рисаля хакан ичида тунгандар килган иши (Трактат о делах, совершенных дунганами в Китае). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
114. Саид Мухаммед Каши. Шарх-и шикастэ-намэ (Изложение печали). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
115. Теипов З. Шэрки Туркестан йеридэ (На Восточно-Туркестанской земле). Алма-Ата, 1977.
116. Умеди Караходжи. Шеир билэ хикаят (Стихи и рассказы). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.
117. Ходжа Юсуф. Джам-ат таварих (Собрание историй). – ЛО ИВАН, отдел рукописей.

На китайском языке

118. Пиндин Шань Гань Синьцзян хуэйфэй фанлюэ (История подавления восстания мусульман в провинциях Ганьсу, Шаньси, Синьцзяне). /Б. м., б. г./). Цз. 71, 81, 82.
119. Пинь Хуэйчжи. Канъе синьцзян цзи (Усмирение Синьцзяна). /Б. м., б. г./.
120. Синь Тан шу (Новая хроника Танской династии). Цз. 217б.
121. Цзю Тан шу (Старая хроника Танской династии). Цз. 195.
122. Циньдин Синьцзян шилюэ (Высочайше утвержденное краткое описание истории Синьцзяна). /Б. м./, 1821.
123. Чжан Синлан (сост.) Чжун-си цзяотун шиляо хуэйбянь (Собрание исторических материалов о связях Китая с Западом). Т. 1–6, Пекин, 1930.
124. Юйчжи циночжэн пиндин шомо фанлюэ (Составленное по императорскому повелению описание государева похода и усмирения (населения) территории к северу от пустыни). /Б. м., б. г./.

На западно-европейских языках

125. Bellew. Report of a mission to Yarkand in 1873, under command of sir T.D. Forsyth.

Bengal civil service, with historical and geographical information on regarding the possessions on the Amer of Yarkand. Calcutta, 1875.
126. Boulger D.Ch. Central Asian Questiens.essays on Afganistan, Chine and Central Asia. L., 1885.
127. Correspondence with Russia respecting Central Asia. L., 1873.
128. Forsyth T.D. Report of mission to Yarkand in 1873 under command of sir T.D. Forsyth. Calcutta, 1873.
129. Hayward G.W. Journey from Leh to Yarkand and Kashgar and exploration of the sourcès of the Yarkand Rever. – "The Journal of the Royal Geographical Society". Vol. 40. 1870.
130. Johnson W.H. Report on the jomey to Ilchi the capital of Khotan, in chinese Tartary. By mr. civil Assistant W.H. Johnson. Great trigonometrical survey of India. – "The Journal of the Royal Geographical Society". Vol. 37, 1867.
131. Schlagintweit H. Results of a scientific mission to India and High Asia. Undertaken between the years 1854 and 1858, by order of the court of directors of the honourable East India company by Herman Adolphe and Robert de Schlagint – weit. Vol. 2, 3. Leipzig – London, 1862-1863.
132. Shaw R.B. Visit to High Tartary, Yarkand and Kashgar. L., 1972.

На турецком языке

133. Habib-Zade Kemal. Cin-Turkestan hatiralari (Путевые заметки о китайском Туркестане). Izmir, 1341 (1923).

Литература

На русском языке

134. Англия и Россия в Средней Азии. – "Русская мысль". 1900, № 2, 3.
135. Ахмеджанов А. Политика великих держав в связи с событиями в Западном Китае в 60–80 гг. XIX в. (автореф. канд. дис.). М., 1952.
136. Байкова Н. Б. Англо-кашгарский торговый договор 1874 г. – Краткие сообщения Института востоковедения. Вып. 4. М., 1952.
137. Баранова Ю. Г. Сведения уйгурской хроники "Тарих-и амнийа" о восстановлении цинского господства в Синьцзяне в 1875–1878 гг. – Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1878.
138. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции, прочитанные в университете и в Ленинградском институте живых восточных языков. Л., 1925.
139. Бартольд В. В. Караханиды. Сочинения. Т. 2. Ч. 1, 2. М., 1963.
140. Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. – ЗВОРАО. Т. 15. СПб., 1904.
141. Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943.
142. Бартольд В. В. (Рец на:) "Тарих-и-Эмение". История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы бен Мулла Айса сайрамца, изданная Пантусовым Н. Н. – ЗВОРАО. Т. 17. 1906.
143. Бартольд В. В. Состояние и задачи изучения Туркестана. – Сочинения. Т. 9. М., 1977.
144. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана. – "Вестник древней истории". 1947, № 2.

145. Бериштам А. Н. Русская и советская уйгуристика. – "Известия Ан КазССР". 1950, № 85.
146. Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы. – "Международная жизнь". 1972, № 6.
147. Бичурин (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XУ столетия до настоящего времени. СПб., 1834.
148. Бичурин /Иакинф/. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829.
149. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1, М.-Л., 1950.
150. Бруннерт И. С., Гегельстром В. В. Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910.
151. Бунаков Е. В. Из истории русско-китайских отношений в первой половине X1X в. – "Советское востоковедение". 1956, № 2.
152. Бунаков Е. В. Политические и экономические связи России и Средней Азии с Восточным Туркестаном (Синьцзяном) в правление Якуб-бека Кашгарского (1865-1879 гг.). – "Бюллетень АН УзбССР". 1946, № 5.
153. Бурхан Шахиди. Синьцзян на пути к рассвету. – "Народный Китай". 1955, № 9.
154. Быков А. А. Монеты Рашидина, уйгурского повстанца. – "Страны и народы Востока". М., 1973.
155. Валитова А. А. Две судьбы одного народа. – "Проблемы Дальнего Востока". 1971, № 1.
156. Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Описание Джунгарии, Кульджи и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1958.
157. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1962.
158. Васильев В. П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XШ вв. с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах. СПб., 1857.
159. Васильев В. П. Настоящий восточный вопрос (Кульджинский вопрос). – "Голос". 1878, № 25; 1879, № 3.
160. Васильев В. П. Положение Якуб-бека в Восточном Туркестане. – "Биржевые ведомости". 1874, № 98.
161. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975.
162. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.
163. Венюков М. Очерки современного Китая. СПб., 1874.
164. Венюков М. Поездка в Кашгар Рейнталя. – ИИРГО. Т. 2, 1875.
165. Венюков М. Путешествие в Восточный Туркестан Роберта Шоу. – ИИРГО, Т. 8, 1872.
166. Веселовский Н. И. Бадаулет Якуб-бек Аталык кашгарский. – ЗВОРАО. т. 11, 1898.
167. Вилькинс А. Природа бассейна Тарима (в Кашгарском ханстве). – "Природа". Кн. 3, 1877.
168. Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. О некоторых вопросах исторической науки в КНР. – "Вопросы истории4. 1963, № 10.
169. Гаврилов М. Ф. Страничка из истории Якуб-бека бадаулета правителя Кашгарии. – В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
170. Галкин. Современное состояние вооруженных сил в Восточном Туркестане. – СМА. Вып. 24, СПб., 1884.

171. Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан, Вып. 2, СПб., 1873.
172. Григорьев В. В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных отношениях с Россией. Вып. 1, 2, СПб., 1869–1873.
173. Григорьев В. В. По поводу кашгарских монет с именем Абдул-Азиза-хана. СПб., 1883.
174. Григорьев В. В. Россия и Англия. СПб., 1876.
175. Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии (исторический очерк). – Сборник государственных знаний. Т. 1. СПб., 1874–1888.
176. Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909.
177. Грумм-Гржимайло Г. Е. Илийский край. – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 12. СПб., 1894.
178. Губаревич-Радобыльский Н. Значение Туркестана в торговле с сопредельными странами. – Материалы для изучения хлопководства. Вып. 2. СПб., 1912.
179. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
180. Гуревич Б. П. *Великоханьский шовинизм и некоторые вопросы* истории народов Центральной Азии в XVШ–X1X вв. – "Вопросы истории". 1974, № 9.
181. Гуревич Б. П., Моисеев В. А. Взаимоотношение цинского Китая и России с Джунгарским ханством XVП–XVШ вв. и китайская историография. – "Вопросы истории". 1979, № 3.
182. Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей института народов Азии. Т. 1. М., 1965.
183. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
184. Думан Л. И. Русская и иностранная литература о дунганском восстании 1861–1878 гг. Л., 1934.
185. Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVШ в. М.–Л., 1936.
186. Думан Л. И. Биянху – вождь дунганского восстания 1862–1877 гг. – ЗИВАН. Т. 7, 1939.
187. Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы. – Китай и соседи. М., 1970.
188. Думан Л. И. Завоевание цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана. – Маньчжурское владычество в Китае . М., 1966.
189. Думан Л. И. Китай в эпоху империализма. Борьба иностранных держав за раздел Китая (70–90 гг. X1X в.). М., 1972.
190. Думан Л. И. Новая история Китая. Лекции, читанные доцентом Л. И. Думаном. Ч. 2. Л., 1938.
191. Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая, 1894–1899 гг. М., 1958.
192. Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
193. Ефимов Ф. Девятилетнее странствование. М., 1952.
194. Зелем[illegible]н Г. К. Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909–1910 гг. – "Известия археологической комиссии", Вып. 4, 1911.
195. Зияев Х. Восстание 1826 г. в Восточном Туркестане (автореф. канд. дис.). М., 1952.

196. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.
197. Зотов О. В. К оценке правителя Йэттишара Якуб-бека. – Девятая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1978.
198. Зотов О. В. Проблема традиций Восточно-Туркестанской государственности в современной японской историографии. – Десятая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1979.
199. Ибрагимов И. Кокандское ханство в Кашгаре. – "Туркестанские ведомости", 1872, № 17.
200. Ибрагимова Г. М. Краткая характеристика некоторых источников о маньчжурских завоеваниях Синьцзяна. – УЗИВАН. Т. 16. 1958.
201. Ибрагимова Г. М. Маньчжурское господство в Синьцзяне и народное восстание в 1864–1878 гг. (автореф. канд. дис.). Л., 1954.
202. Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
203. Исиев Д. А. К вопросу об административном устройстве государства Йэттишар (Джетышар). – Вторая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1971.
204. Исиев Д. Начало национально-освободительного восстания уйгуров во второй половине XIX в. (1864–1866 гг.). – Материалы по истории материальной культуры уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.
205. Исиев Д. А. Некоторые современные китайские историки о народно-освободительной борьбе уйгуров против маньчжурского господства в Восточном Туркестане в 1864–1878 гг. – Ленинские принципы самоопределения наций и извращения их маоистами. М., 1971.
206. Исиев Д. А. О внешней политике государства Йэттишар в конце 60-х годов XIX в. – Шестая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Вып. 2. М., 1975.
207. Исиев Д. А. Формы землевладения и налоговая система в государстве Йэттишар в конце 60-х годов XIX в. – Пятая научная конференция "Общество и государство в Китае". Вып. 2. М., 1975.
208. Исиев Д. А. Хотанское восстание 1864 г. – Третья научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1972.
209. Ихкаков Г. М. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками. Алма-Ата, 1975.
210. Искенова С. Англо-русские противоречия в Средней Азии в период вхождения Киргизии в состав России (автореф. канд. дис.). Фрунзе, 1966.
211. История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957.
212. История Киргизии. Т. 1. Фрунзе, 1963.
213. История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
214. История национально-освободительной борьбы народов Синьцзяна (краткий очерк), Алма-Ата, 1972.
215. История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1967.
216. Кабиров М. Н. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. Алма-Ата, 1975.
217. Кабиров М. Н. Переселение Илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951.

218. Казак М. Кашгарские очерки. – "Новый мир". 1939, № 7.
219. Казем-бек А. Исследования об уйгурах. – "Журнал министерства народного просвещения". Ч. 31. 1841.
220. Катанов. О двух кашгарских монетах. – "Известия общества археологии, истории и этнографии императорского казанского университета". Т. 13. Ч. 1–6. Казань, 1885.
221. Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПб., 1903.
222. Кауфман А. А. Переселения и колонизация. СПб., 1905.
223. Китай и соседи. М., 1970.
224. Козлов П. К. В азиатских просторах. М., 1947.
225. Козлов П. К. В сердце Азии. СПб., 1914.
226. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972.
227. Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
228. Костенко Л. Средняя Азия и водворение на ней русской гражданственности. СПб., 1871.
229. Костенко Л. Чжунгария. Военно-статистический очерк. СПб., 1887.
230. Кречетов М. Н. Из истории торговых отношений России и Китая в XVII–XVIII веках. – Культура и искусство античного мира и Востока. М.–Л., 1958.
231. Кузнецов В. С. К вопросу о политике цинского правительства в Восточном Туркестане во второй половине XIX века. – "Известия АН КазССР". Вып. 2, 1961.
232. Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973.
233. Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.
234. Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
235. Кутлуков М. Монгольское господство в Восточном Туркестане. – Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
236. Кызласов Л. Р. Тува в составе уйгурского каганата (VIII–IX вв.). Т. 1. М., 1964.
237. Лакост Де. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент, 1908.
238. Ларионов Г. А. Синьцзян. Ташкент, 1969.
239. Латкин Н. В. Исторический обзор отношений России к Туркестану. – Живопись России. Т. 19. СПб., 1885.
240. Лепешинский К. В. (Цзо Ши). О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания в Китае. – Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
241. Лучина К. В. Тарбагатай. Тарбагатайский округ Синьцзянской провинции в Западном Китае. Чугучак, 1912.
242. Максимов М., Масленников А., Растянников В. Аграрный вопрос на Востоке. – "Мировая экономика и международные отношения". 1959, № 5.
243. Макшеев А. Несколько дополнений к биографии Якуб-бека. – Куропаткин А. Н. Кашгария. СПб., 1879.
244. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск, 1974.
245. Маматахунов У. Торговля России с Западным Китаем в середине XIX в. – "Сборник студенческих работ Среднеазиатского государственного университета". Вып. 1. Ташкент, 1949.
246. Мамедова Э. М. Из истории взаимоотношений народов Туркестан-

ского края и Синьцзяна (вторая половина XIX в. до 1917 г.) (автореф. канд. дис.). Ташкент, 1963.
247. Мамедова Э. М. Из истории развития консульских отношений между Туркестанским генерал-губернатором и Синьцзяном. – "Научные работы и сообщения". Кн. 7. Ташкент, 1963.
248. Мамедова Э. М. Из истории торговых отношений Туркестана и Синьцзяна (1850–1917 гг.). – "Научные работы и сообщения". Кн. 4. Ташкент, 1961.
249. Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880.
250. Мартенс Ф. Ф. Россия и Китай. Историко-политическое исследование. СПб., 1881.
251. Материалы 1 Всесоюзной научной конференции востоковедения в г. Ташкенте. Ташкент, 1958.
252. Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.
253. Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1. М., 1973.
254. Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII вв. – "Вопросы истории". 1974, № 7.
255. Миллер А. Ф. Оттоманская империя (Султанская Турция). Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1946.
256. Мугинов А. М. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.
257. Муканов С. Шаги великана. Алма-Ата, 1960.
258. Мурзаев Э. В далекой Азии. Очерки по истории изучения Средней Азии и Центральной Азии в XIX–XX вв. М., 1956.
259. Мурзаев Э. Очерки топонимии. М., 1974.
260. Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.
261. Мясников В. С. Творческое наследие Н. А. Бичурина и современность. – "Проблемы Дальнего Востока". 1977, № 3.
262. Наливкин В. П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. – "Ежегодник Ферганской области". Т. 3. Маргелан, 1904.
263. Нарочницкий А. А. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). Ч. 1. М., 1956.
264. Нарочницкий А. А. Дипломатия в Индии, на Среднем Востоке и в Китае в конце XVII и в первой половине XIX в.. – История дипломатии . Т. 1. М., 1959.
265. Непомнин О. Е. Наем и отходничество крестьян в Китае во второй половине XIX – начале XX в. – "Проблемы востоковедения". 1960, № 1.
266. Никольская Г. Б. Некоторые данные об отходничестве из Северозападного Китая в Туркестан (в конце XIX – начале XX века). – "Труды Ташгу. Материалы к изучению истории Средней Азии и Узбекистана". Вып. 194. Ташкент, 1962.
267. Новая история Китая. М., 1973.
268. Ольденбург С. Ф. Кашгарская летопись Н. Ф. Петровского. СПб., 1892.
269. Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг., снаряженная русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1914.
270. Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане. – "Казанский музейный вестник", 1921, № 1. 2.

271. Очерки истории Китая. М., 1969.
272. Панов В. А. К истории народов Средней Азии. Т. 2. Владивосток-Даттан, 1916.
273. Пантусов Н. Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871-1877 гг. Казань, 1881.
274. Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.
275. Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. – "Исторические записки". 1940, № 7.
276. Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии. – "Исторические записки". 1940, № 3.
277. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.
278. Рахимов Т. Р. Великодержавная политика Мао Цзэ-дуна и его группы в национальном вопросе. – "Коммунист", 1967, № 7.
279. Рахимов Т. Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао Цзэ-дуна. М., 1968.
280. Рифтин Б. Л. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая. – "Проблемы востоковедения". 1960, № 5.
281. Рожков М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.-Л., 1949.
282. Ростовский С. Царская Россия и Синьцзян в XIX-XX вв. – "Историк-марксист". Кн. 3/65. 1936.
283. Рустамов У. А. Из истории английской агрессии на границах Памира и Синьцзяна в последней четверти XIX в. (автореф. канд. дис.). Ташкент, 1953.
284. Семенов А. А. Очерк культурной роли уйгуров в монгольских государствах. – Материалы по истории и культуре уйгурского народа. Алма-Ата, 1978.
285. Семенов А. А. Покоритель и устроитель Туркестанского края, генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман 1-й. – Кауфманский сборник. М., 1910.
286. Серебряников А. Г. Туркестанский край. Т. 19, 20. Ташкент, 1914.
287. Синицин В. М. Центральная Азия. М., 1959.
288. Скачков К. Критические замечания на записку Гейнса (о дунганах). – Отдел рукописей публичной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. К. Скачкова, № 2875.
289. Скрайн. Китайская Центральная Азия. М., 1935.
290. Словарь Таджикского языка. Т. 1. М., 1969.
291. Стратанович Г. Г. К вопросу о характере административного устройства и социальных взаимоотношений в дунганском союзе городов (1863-1872 гг.). – "Известия АН Киргизской ССР, серия общ. наук". Т. 2. Вып. 2. Фрунзе, 1960.
292. Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб., 1885.
293. Сушанло М. Дунганское восстание во второй половине XIX в. и роль в нем Бай Янь-ху. Фрунзе, 1959.
294. Сычевский Е. П. Динамика русско-китайской торговли в конце 50-60-х годов XIX в. – "Ученые записки Благовещенского педагогического института". Т. 8, 1957.
295. Тагиев Б. Л. Наши памирские соседи. Ташкент, 1895.
296. Таипов З. В борьбе за свободу. М., 1974.

297. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1–3. СПб., 1906.
298. Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876.
299. Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.
300. Терентьев М. А. Туркестан и туркестанцы. – "Вестник Европы", 1875, Кн. 9–11.
301. Титулы и имена уйгурских ханов. – ЗВОРАО. Т. 5, 1891.
302. Тихвинский С. Л. Великоханьский гегемонизм и публикации на исторические темы в КНР. – "Вопросы истории". 1975, № 1.
303. Тихвинский С. Л. Маньчжурское владычество в Китае. – Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
304. Тихомиров Л. Англичанин о русских в Средней Азии (по поводу книги Керзона "Россия в Средней Азии и англо-русский вопрос). – "Русское обозрение", 1890, № 2.
305. Тихонов Д. И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. Восстание в Куче. – Советское востоковедение. М.–Л., 1948.
306. Тихонов Д. И. Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека. – УЗИВАН. Т. 16, 1958.
307. Тихонов Д. И. Совещание по изучению уйгур. – "Известия АН СССР, отделение литературы и языка". Т. 3. Вып. 4. М.–Л., 1944.
308. Тихонов Д. И. Уйгурские исторические источники конца XIX – начала XX века. – УЗИВАН. 1954, № 9.
309. Тихонов Д. И. Характер народно-освободительных движений в Синьцзяне в XIX в. и первой трети XX в. – Советское востоковедение. Т. 6. М.–Л., 1949.
310. Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства (X–XIУ вв.). М.–Л., 1966.
311. Тургунов М. К. Переселение уйгуров таранчей из Китая в Семиречье. Ташкент, 1950.
312. Узбекско-русский словарь. М., 1959.
313. Усманов К. А. Восстание в Кашгарии (1864). – "Труды Московского института востоковедения". Вып. 5. 1947.
314. Усманов К. А. К вопросу о роли русской исторической науки в изучении Синьцзяна (XIX в.) – "Труды Московского института востоковедения". Вып. 6. 1951.
315. Усманов К. А. Уйгурские источники о восстании в Цзиньцзяне (Синьцзян) 1864 г. – "Вопросы истории". 1947, № 2.
316. Успенский В. Несколько слов об округе Хами в Восточном Туркестане (по китайским источникам). – ИИРГО. Т. 9. 1873.
317. Успенский М. Страна Кукэ-Нор или Цинхай. СПб., 1880.
318. Фань Вэньлань. Древняя история Китая от первобытного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958.
319. Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Т. 1, 2. Ташкент, 1903.
320. Федосеев П. Н. XXIУ съезд КПСС и задачи развития общественных наук в новой пятилетке. – Материалы объединенной выездной сессии секции общественных наук АН СССР ИМЛ при ЦК КПСС и АН республик Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
321. Фесенко П. И. История Синьцзяна. М., 1935.
322. Фесенко П. И. Новая история Китая. Вып. 1. М., 1936.

323. Фесенко П. И. Очерки по Синьцзяну. – "Революция Востока". 1932, № 3, 4.
324. Фесенко П. И. Синьцзян. – Иран, Афганистан и Синьцзян (Западный Китай). М., 1936.
325. Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. Ташкент, 1957.
326. Халфин Н. А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50–80 гг. XIX в.). – "Труды САГУ, Исторические науки". Вып. 90. Ташкент, 1957.
327. Халфин Н. А. *Три русские миссии. Из истории внешней политики* России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX в. Ташкент, 1956.
328. Халфин Н. А. Царское правительство и Среднеазиатские ханства в колониальный период. – "Труды САГУ, Исторические науки". Вып. 90. Ташкент, 1957.
329. Хамраев М. Очерки теории тюркского стиха. Алма-Ата, 1969.
330. Хасанов К. Х. Абдулла Розыбакиев. Алма-Ата, 1974.
331. Хасанов К. Х. Чокан Валиханов – как этнограф. Алма-Ата, 1968.
332. Хафизова К. Ш. Россия, Китай и народы Туркестана в публицистике В. П. Васильева. – История и культура Китая. М., 1974.
333. Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии. Ташкент, 1969.
334. Хмелевский Н. Отношения европейцев к Китаю за последние двадцать лет. – "Отечественные записки". Т. 115, 1861.
335. Ходжаев А. О политике Якуб-бека в отношении цинского правительства в 1871–1877 гг. – Пятая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1974.
336. Ходжаев А. Политика цинского правительства в отношении восстания народов Джунгарии и Восточного Туркестана в 60–70 гг. XIX в. – Шестая научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1975.
337. Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. М., 1979.
338. Хохлов А. Н. Землевладение восьмизнаменных войск в Китае и *причины его разложения (XVIII–XIX вв.).* – *Краткое сообщение* института народов Азии. 1962, № 55.
339. Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.
340. Ша Р. Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПб., 1872.
341. Шахматов В. Очерки по истории уйгуро-дунганского национально-освободительного движения в XIX в. – Труды Казахского научно-исследовательского института национальной культуры. Т. 1. Алма-Ата – М., 1935.
342. Шихов С. И. Кульджинское восстание (1864–1871) (автореф. канд. дис.). М., 1954.
343. Штейнгель Э. Россия и Англия в Центральной Азии. – "Наблюдатель". Кн. 7. 1900.
344. Юдин В. П. Некоторые источники по истории восстания в Синьцзяне в 1864 г. – Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.
345. Юдин В. П. Тарих-и амнийа. – Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата, 1969.
346. Юсупов И. Магаза Масанчи. Алма-Ата, 1975.
347. Юсуров Х., Шахматов В. Дунганские сказки. Алма-Ата, 1946.

348. Юсуров Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе, 1961.
349. Яковлев А. Г. Аграрные отношения и аграрная реформа в провинции Синьцзян (1949–1953). – УЗИВАН. Т. 11. 1955.
350. Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX–X вв. – "Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного эрмитажа". Т. 4. Л., 1947.

На уйгурском языке

351. Билал Назим. Талланган эсэрлэр (Избранные произведения). Алма-Ата, 1961.
352. Билал Назим. Назугум. – Чанмоза Юсупхан (Хрестоматия по уйгурской литературе для IX класса). Изд. 2-е. Алма-Ата, 1966.
353. Билал Назим. Уйгур эдэбияти (Хрестоматия по уйгурской литературе для IX класса). Изд. 2-е. Алма-Ата, 1966.
354. Джалилов О. Муса Сайрами. Ташкент, 1968.
355. Идаятов А. Садир Палван. Ташкент, 1944.
356. Идаятов А. Или уйгурлирининг миллий-азатлик харикатлири (Национально-освободительное движение Илийских уйгуров). Алма-Ата. 1978.
357. Идаятов А. Уйгур халкининг миллий-азатлик курэшлири (Национально-освободительное движение уйгурского народа).–"Шарк хакикити" ("Правда Востока"). 1945, № 2.
358. Исиев Д. А. Билал Назим – атеист шаир(Билал Назим – поэт-атеист). – "Йени хаят". 1977, № 143.
359. Исиев Д. А. Бэзи уйгур тарихий колязмилири тогрилик (О некоторых уйгурских исторических рукописях). – "Коммунизм туги". 1972, № 74.
360. Исиев Д. А. Или султанлигида (В илийском султанате). – "Йени хаят". 1975, № 87–89.
361. Исиев Д. А. Кашкар козгулуни (Кашгарское восстание 1864 г.). – "Йени хаят". 1973, № 76.
362. Исиев Д. А., Мамедов М. Р. Байрам-Алидики уйгурларнинг отмуши ва хазирки хаяти (Прошлое и настоящее уйгуров Байрам-Али). Алма-Ата, 1976.
363. Исиев Д. А. Уйгуршунас алим (Ученый уйгуровед). – "Коммунизм туги". 1977, № 57.
364. Касими А. Талланган асарлири (Избранные произведения). Ч. 1. Урумчи, 1950.
365. Лао Чинвэй. Шинжаннинг ватинимиз билан тарихий алакиси (Историческая связь Синьцзяна с родиной). Урумчи, 1962.
366. Моллаудов С. Билал Назимнинг хаяти ва ижади (Жизнь и творчество Билала Назима). Алма-Ата, 1976.
367. Мухлисов И. Кашкар дэптири (Кашгарская тетрадь). Алма-Ата, 1976.
368. Мухлисов И. Уйгур классик эдэбияти колязмилирининг каталоги (Каталог рукописей уйгурской классической литературы). Урумчи, 1957.
369. Наджиб Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
370. Розиев М. Янливаштин тугулган уйгур хэлки (Возрожденный уйгурский народ). Алма-Ата, 1968.
371. Хасанов К. Гулистан (Цветущий сад). Алма-Ата, [illegible]75.

372. Шахиди Б. Якуб-бек хакимийити тогрилик (О государстве Якуб-бека). Пекин, 1958.

На китайском языке

373. И Цюнь. Во го шаошу миньцзу цзяньцзе (Краткое ознакомление с национальными меньшинствами нашей страны). Пекин, 1958.
374. Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэр цзу шиляо цзяньбянь (Краткий сборник исторических материалов об уйгурах). Т. 2. Пекин, 1958.
375. Чэн Суло. Агубо ды лиши пинцзя. 1865–1877 нянь Синьцзян вэйуэр юй гэцзу жэньминь гунди (Историческая оценка /личности/ Якуб-бека. Общий враг уйгуров и всех народов Синьцзяна /в период/ 1865–1877 гг.) – Чжунго миньцзу вэньти яньцзю цзикань (Сборник исследований по национальному вопросу в Китае). Пекин, 1962.

На западно-европейских языках

376. Alder C.J. British India's Northern frontier. 1865-1895. L., 1963.
377. Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Oriental culture. № 34. Tokyo, 1978.
378. Boulger D.Ch. The life of Yakoob Beg; Atalik ghazi and Badaulet, Ameer of Kashgar. L., 1878.
379. Chu D. War and diplomacy over Ili. – "The Chinise Social and Political Sciense Review", Vol. 20, 1936.
380. Czaplicka M.A. The Turks of Central Asia in history and at the present day. An ethnological inquiry into the Pan-Turanien problem, and bibliogr. material relating to the Early Turke and the present Turks of Central Asia, Oxford, 1918.
381. Heiiward F. Die Russen in Central Asia. Eine Studie über die neuere Geographie und Geschichte Central Asians. Neue Ausgabe Augsberg, 1878.
382. Heumann. Les russes et les anglais dans l'Asie Centrale, Paris, 1885.
383. Hummel W. Eminent Chinese of the Ching Period (1844-1912). Vol. 11, p. 2. United States Covernment printing office, Washington, 1944.
384. Hutton J. Central Asia,: from the arian to the Cossack. London, 1875.
385. Loug J. The present position of Russian in Central Asia, in relation to the spread of christianity and civilisation in the East, London, s.a.
386. Norins Martin R. Gateway to Asia: Sinkiang frontier of the Chinese for west introd by Lattimore. New York, 1944.
387. Pelcovits N. Old Chine hands and the Foreign Office. New York, 1948.
388. Rawlinson H.C. England and Russia in the East. L., 1875.

На турецком языке

389. AlptekinErkin. Ujqur türkleri (Уйгуры). Ankara, 1978.
390. Uzuncorsili I.H., Koral E.Z. Osmanli tarihi (История Османской империи). Т. 1-5. Ankara, 1947-1961.
391. Wolfram E. Yakip bein Turkistan deyleti. "Cin tarihi". Turk tarih kurumu basimevi. Ankara, 1947.

Периодические издания

На русском языке

392. "Военный сборник". 1869, № 7.
393. "Всемирная иллюстрация". № 248, № 14.

394. "Ежегодник Туркестанского края". 1870, 1873.
395. ИВСОРГО. 1883, № 3.
396. ИИРГО. Т. 4. 1881.
397. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 2. СПб., 1873.
398. "Новое время". 1900, № 8764.
399. "Русский инвалид". 1870, № 59–60; 1872, № 240.
400. "Русский мир". 1873, № 201.
401. "Сын отечества". 1871, № 214, 215; 1872, № 77.
402. "Туркестанские ведомости". 1872, № 25, 30–32.

На уйгурском языке

403. "Казак ели". 1947, № 11, 12; 1948, № 1–3, 5–6.
404. "Камбагаллар авази". Алма-Ата, 1921.
405. "Куряш". 1947, № 1–12.
406. "Шарк хакикати". 1944, № 1–2, 8; 1945, № 1–3, 7, 9–12; 1946, № 11, 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Восточный Туркестан под властью Цинов 9
Начало национально-освободительного движения (1864 г.) 13

Глава 2. Создание уйгурского государства Йэттишар 19
Административное устройство и социально-экономическая структура населения Йэттишара 25
Некоторые аспекты экономической политики Якуб-бека . . . 29

Глава 3. Внешняя политика Йэттишара 34

Примечания 49

Приложения 59

Библиография 74

Даут Абдулимович Исаев

УЙГУРСКОЕ ГОСУДАРСТВО ЙЭТТИШАР
(1864–1877)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редакторы И.А. Николенко, В.Б. Меньшиков
Младший редактор Р.Г. Селиванова
Художник Г.Н. Крутинский
Художественный редактор Б.Л. Резников
Технический редактор Е.А. Проина
Корректор Л.М. Кольцина

ИБ № 13844

Сдано в набор 15.07.80. Подписано к печати 09.01.81
А-08411. Формат 60x90 1/16. Бум. офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,75. Уч.-изд.л. 5,94.
Усл. кр. отт. 5,875. Тираж 1300 экз.
Изд. № 4292. Заказ 28. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Цена 90 к.